

КАРОЛИНА ДЭЙ

P.S. НИКТО НЕ УЗНАЕТ,
ПРОФЕССОР

Каролина Дэй P.S. Никто не узнает, Профессор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69371488

SelfPub; 2023

Аннотация

Я застала его за преступлением, а сейчас он мой преподаватель, которого я ненавижу. Одним словом, я могу разрушить его карьеру, а он пытается всеми силами выкинуть меня из колледжа. Беспринципный. Наглый. И чертовски привлекательный. Но кто победит? Его упертость? Моя гордость? Или наша любовь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	74
Глава 12	80
Глава 13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Каролина Дэй P.S. Никто не узнает, Профессор

Глава 1

– Ты все взяла? Ничего не забыла? Зубную щетку? Полотенца? Тетради? Все учебники забрала? – спрашивает равнодушно мама.

– Мы занимаемся на планшетах, а зубную щетку и полотенца положила еще вчера.

– Внимательно проверь! Вдруг забыла!

– Я приеду на выходных и заберу.

– Даже не вздумай приезжать! Хочешь, чтобы вышло как в прошлый раз? – цедит она сквозь зубы, подавляя меня резким взглядом голубых холодных глаз.

Сердце сжимается от резкой боли. От воспоминаний годовалой давности, которые стараюсь забыть каждый божий день. Однако родные о них напоминают с завидной периодичностью.

– Хорошо, – послушно соглашаюсь, ведь другого варианта у меня нет.

– Так-то лучше. Если что-то тебе потребуется купишь в

торговом центре, стипендия у тебя есть.

Я молчу, чтобы лишний раз не навлечь на себя презрение отца и недовольство матери. Вряд ли она простила мне все грехи. Любящая мать была бы на стороне дочери, моя же тщательно собирала вещи, старалась ничего не забыть, чтобы я лишний раз не возвращалась домой. Кажется, мне снова придется звонить доктору Диппенс.

– Мам, когда мы уже уедем? Я домой хочу! – жалобно щебечет моя младшая сестра Камилла.

– Потерпи, милая. Мы еще не выпроводили Мики.

Мама приобнимает ее, целует в макушку и молча кивает, на губах появляется улыбка, та самая улыбка, наполненная материнской нежностью и любовью. Но стоит ей взглянуть на меня, все сентиментальность в ее взгляде испаряется.

– Джеральд, заводи машину, поехали!

Папа сидит в машине и читает сообщение на телефоне. Он совсем не обращает на нас внимание, весь день ходит как в воду опущенный. Если бы я не знала истинную причину грусти, то подумала бы, что он не хочет расставаться со старшей дочерью. Точнее с проблемной дочерью.

Я все еще рассчитываю, что этот день завершится на позитивной ноте, несмотря ни на что. Ведь впереди новая жизнь, новые знакомые, новая страница моей никчемной жизни. Может быть в этот раз мне удастся не совершить роковых ошибок.

– Не забудь разложить все вещи как дома, – продолжает

мама.

– Хорошо.

– Найди себе подработку, и поживее.

– Ладно.

– Следи за своим видом. На него обращают в первую очередь, – она подходит и резко одергивает задравшийся левый рукав.

Вместо радости за меня вижу на их лицах скуку, нетерпение, равнодушие. Вместо поддержки – нравоучения, вместо пожеланий успехов – рекомендации как себя вести, вместо ожидания новой встречи – напоминания не появляться без острой необходимости дома.

Все праздники, когда студенты колледжа будут разъезжать по домам к семье, я буду оставаться в кампусе, в гордом одиночестве в комнате.

На день благодарения я буду есть кусочек индейки из Старбакса в своей комнате. Может, соседка присоединиться, но я в этом не уверена. Мама накроет стол для Камиллы, а папа уедет ночевать в мотель в нескольких милях от нашего дома вместе с...

Ладно, проехали.

Мама поджимает губы и разворачивается, берет Камиллу за руку и направляется к машине. Сестра с довольной улыбкой прыгает на заднее сиденье, тут же заерзав. Надеюсь, Камилла не повторит моих ошибок, никогда не узнает, каково это быть изгоем в собственной семье.

Папа наконец-то выходит из машины, окидывает меня серьезным взглядом болотных глаз и произносит:

– Наступит день, когда ты поймешь одну важную вещь. Жизнь не делится на черное и белое. В каждой неприятной ситуации есть положительные стороны, а в каждой хорошей ситуации – отрицательные. Однажды ты поймешь мои слова. А теперь прощай, Микелла. Проводи нас с мамой.

Я лучше проведу черту между прошлым и настоящим, между детством и взрослением. Между счастьем и горем. Как ты там сказал? Не бывает черного и белого? Знаешь, пап, я в этом сильно сомневаюсь. Сейчас меня преследует только черная полоса.

Родители покидают парковку на своем стареньком «Вольво», оставив после себя неприятный осадок. Колледж. Новая жизнь. Внеклассная работа в школе, организация общественных мероприятий и руководство школьным комитетом помогли поступить в один из лучших колледжей Калифорнии – Уилок Браун. В колледж для тех, кто имеет либо деньги, либо ум.

Я должна быть счастлива, раз получила единственную стипендию на курсе, но ощущаю горький осадок в желудке. Боль. Разочарование. Я официально одинока. Черт! Снова рукав задрался! Злобно опускаю его.

На парковке не так много людей – все скопилось на центральной площади. Интересно, что там? Любопытство не покидает меня, однако настроения веселиться с остальными

практически нет. Оно на нуле. Но разве это кого-то будет волновать? Молча прихожусь по опустевшей парковке, обхожу одну машину за другой, пока не останавливаюсь напротив серебристого Мерседеса. В салоне сидят парень, девушка и...

Мамочки!

Почему она так активно трясется?

Они там... это...

Прямо на парковке элитного колледжа?

Целующихся студентов в салоне машины я видела только в кино. Черт возьми, я считала, что такие сцены ставят исключительно для кино, а не для реальной жизни! Вон, брюнетка перелезает на водительское сидение, располагается сверху мулата в белой рубашке, сливается в поцелуе. Он держит свою спутницу за талию, руки спускаются ниже и...

Надо отвести глаза! Нельзя смотреть на эту непристойность! Вдруг заметят? В колледже Уилок Браун очень строгие правила, и я изучила их вдоль и поперек. Никаких телефонов во время занятий, никаких переговоров за партой и подсказок с места. А главное – никакого нарушения общественного порядка. Но мажорам, вроде этих из машины, видимо, плевать.

Внезапно мулат распахивает свои глаза до размера долларовой монеты. И глядит. На меня. Меня будто простреливает током от пронзительности темного взгляда, не могу сдвинуться с места, будто меня застали с поличным, а не его.

Черт! Мики, беги отсюда, пока они не вышли из машины и не поймали тебя. Так, откуда я только что слышала шум? Иду к центральной площади, пытаюсь затеряться в толпе.

Они найдут меня...

Никогда сердце так быстро не билось в груди. Беспомощно и испуганно. Эти ощущения преследовали меня лишь однажды, когда я осталась наедине с мужчиной и...

— Красавица, не хочешь вступить в ряды университетского совета?

Мамочки! Зачем так громко? Испуганно поворачиваюсь к обладателю ангельского голоса. Высокий, светлый, веселый. На его фоне я теряюсь. Я на фоне всех теряюсь, потому что перед глазами стоит та сцена в машине...

Черт!

— А-а-а...

— Не бойся, я не кусаюсь. Давай лучше... — он подозрительно оглядывает мой кардиган. Действительно. Кто носит рукава три четверти в плюс девяносто по Фаренгейту? — ... Я познакомлю тебя с «ДельтаМикс». Каждые выходные мы мониторим все университетские мероприятия, зазываем людей, а затем...

— Мистер Джаред, — наш разговор прерывается бархатным голосом сверху, на который я не сразу обращаю внимания. — Не мог бы ты отдать мне новенькую?

Ну, почти не обращаю.

Поднимаю голову выше и сталкиваюсь с пронзающими

темными глазами. Уверена, что в нормальном состоянии они гораздо светлее, но не сейчас, когда тот самый мулат из машины настиг меня. Темные короткие волосы, смуглая кожа, темные глаза, плотно сжатые губы. И черты лица... прямые, немного скульптурные. Единственное, что могу подметить, пока между нами стоит напряженная тишина.

Почему его лицо кажется мне знакомым?

Парень из организации, не помню названия, напрягается, но продолжает улыбаться. Хватка на моих плечах слабеет, в то время как мои коленки подрагивают, а я беспомощно гляжу то на парня, то на этого мулата. О, нет! Не отдавай меня в лапы этого развратника! Я не хочу лишиться стипендии в первый день. Наверняка этот богатенький Ричи донесет на меня декану или ректору! Навешает лапши, а меня исключат.

Я так надеялась, что моя жизнь изменится, но именно сегодня я влипла в неприятности. Вновь.

– Что нужно сделать, чтобы вступить в ваши ряды? – говорю раньше, чем белобрысый парень успевает что-либо произнести.

– Пойдем, вон там стойка с информацией! Светлые глаза тут же блестят в предвкушении, он потирает ладони и берет меня за руку. – Прости, – обращается он к мулату, – я обязан сопроводить новенькую.

Симпатичный блондинчик ведет меня к навесу с огромными буквами «Уилок Браун Фореввер», рассказывая по пу-

ти о жизни в колледже. Фух! Выкрутилась. Но я до сих пор ощущаю пронизывающий меня взгляд мулата из машины.

И стоит мельком обернуться, встречаюсь с поглощающей темнотой, от которой, кажется, не убегу никогда.

Глава 2

Уиллок Браун твой шанс восстановить репутацию! После него ты сможешь пробиться в Голливуд!

Я не стану разгребать твои проблемы снова! Год назад ты опозорила нас!

Если ты не изменишь свое поведение, мы выкинем тебя из дома!

Я не стану разгребать твои проблемы снова! Год назад ты опозорила нас!

– Не спать, Мики! – толкает локтем Моника. Слова матери выветриваются из головы в мгновение ока. Пытаюсь вернуться в реальность все утро, но потерянную и слабость сопровождают меня изо дня в день.

– Я не сплю.

– Я вижу, – она строго окидывает меня своими серыми глазами, которые выделяются при помощи жирной черной подводки. – Не волнуйся, это всего лишь первое занятие. Будет весело! – подбадривает меня соседка по комнате.

По-моему, я уже говорила, что она будет моей соседкой? Нет? Так вот, познакомьтесь. Моника Флоренцо – моя заводная соседка по комнате. Заехала вчера вечером, бегло представилась и, разложив одежду, легла спать. Мы толком и не поговорили, а я долго не могла уснуть. Но это к лучшему. Не хочу, чтобы она видела, как я ложусь спать. Люблю оди-

ночество.

Еще во время поступления я пыталась попросить отдельную комнату, но в общежитии их не осталось. Поэтому я живу с соседкой, но стараюсь уснуть после нее. Это, наверное, хорошо. Она не видит мои изъяны. Ни на лице, в виде веснушек, ни на руке в виде...

– Эй, соня, ты и на занятиях будешь висеть как компьютер из девяностых? – жужжит мне в ухо Моника.

– Я не соня!

– А кто? – брюнетка заглядывает на меня серыми глазами. – Еще немного и вписалась бы в дерево! Знаешь, мне тоже плохо спится на новом месте. Но это же Уилок Браун! Мы поступили в лучший колледже на свете! Папа запросил место у ректора десять лет назад! Такое образование мы нигде не получим, ну, только в Гарварде. Твои предки тоже внесли деньги сразу, да?

– Нет, я на стипендии, – едва вставляю свое слово за потоком активной речи Моника.

– Правда? – она снова оглядывает меня с любопытством, словно видит впервые. – Не похоже. Слушай, тебе не жарко?

– Мне? Нет, что ты.

На мне зелено-белый кардиган – цвет формы в Уилок Браун, клетчатая юбка и гольфы. Также зелено-белые. Моника обошлась только зелено-белой майкой, юбкой и туфлями на высоких каблуках. Как она передвигается? Неизвестно. Но в одном соседка права – мне ужасно жарко, пот катится по

спине и вискам. Ночью здесь прохладно, но не сейчас, когда солнце готово превратить тебя в курицу гриль. Молюсь, чтобы мы как можно быстрее дошли до главного корпуса с кондиционерами.

– Привет, девчонки. Куда спешите?

К нам подлетает вчерашний парень-активист. Светловолосый, голубоглазый, вечно радостный. Вчера мне удалось улизнуть из его цепких лап, когда тот мулат исчез из виду. Я тихо извинилась и убежала в комнату. И больше не выходила, пока не пришла Моника. Она тоже первогодка, но у меня складывается ощущение, что она училась здесь – слишком хорошо ей знакома территория кампуса.

– О, Томми! Набрал новых рабов?

– Что значит рабов? Они активистки, причём очень старательные. За исключением одной, – он красноречиво смотрит на меня, и Моника замечает взгляд парня.

– О, Мики, ты отказала этому красавчику? – она довольно улыбается. – Неужели хоть у кого-то есть щит против чар этого наглеца?

– Как видишь. Но я переманю тебя на нашу сторону, Микелла.

– Просто Мики, – поправляю я. Парень улыбается и дружески подмигивает мне.

– Не надейся, – вмешивается соседка. – Я не дам Мики в обиду. Мне нужна нормальная соседка, а не как та ненормальная!

– Я думала, ты на первом курсе.

– Была, – опустив глазки, признаётся Моника. – Я не сдала несколько обязательных предметов, теперь повторяю курс. Это ерунда, нам всего три года учиться.

– Неудачница, – насмешливо добавляет Том.

– Сказал парень, чья репутация грязнее трусов борцов со второго курса во время спарринга.

– Так, я пошел, – и парень убегает к другому корпусу с плакатом «Добро пожаловать в Уилок Браун».

– Слабак, – ухмыляется Моника. Я тактично молчу.

Мы подходим к главному корпусу, где у нас пройдет первое занятие по истории фотографии. Зачем я на него записалась? Интересно. Я бы поработала со старой техникой, рассмотрела ее внимательнее, покрутила бы в руках, чтобы знать, с какими приборами работали раньше великие фотографы. Мне интересно узнавать старое и интерпретировать его в настоящем. Странно звучит, согласитесь, но в этом есть смысл.

– Вот это ничего себе! – восклицает Моника, увидев наполненную аудиторию из студенток. – Никогда не видела, что на самый скучный предмет пришло столько девчонок.

– Может, их так сильно интересует история кинематографа?

– Вряд ли. Пошли.

Моника ведет нас в самый дальний ряд. Она что-то шепечет о том, что не брала этот предмет в прошлом году, но

догадывается, в чем дело. Но мне это ничего не дало. Озираюсь по сторонам, замечаю, как студентки подкрашивают губы, приводят прическу в порядок, поправляют темно-зеленую юбку. Мы едва находим два свободных места в последнем ряду. Почти в проходе сидим. Хорошо, что мы здесь места нашли, после нас студенты вообще стоят позади и на стульях сидят.

– Перед парой всегда красятся? – тихо спрашиваю соседку, когда мы располагаемся на своих местах и раскладываем столик.

– О, нет. Только к Миллеру. Девочки любят его лекции, но больше всего семинары. Вон, видишь, – она указывает на рыжую девчонку с первого ряда. – Это Рамильда Псаровски из Польши. Она за ним с другого континента приехала.

– Это как?

– Просто. Она же блогер! Увидела красавца в Инстаграм, решила, что это ее судьба. Правда, ей никто не сказал, что профессор женат. Но Псаровски это не останавливает, она третий год его курс проходит. Тебе помаду дать? – тыкает локтем Моника. Когда она успела очертить губы красным цветом?

– Ну, не знаю. Мы же на занятиях. Зачем мне краситься для какого-то профессора, если я пришла сюда ради...

– Доброе утро, – раздается бархатный низкий голос на точную аудиторию. Он заставляет всех студентов замереть на месте.

Я не только замираю, но и задерживаю дыхание. Превращаюсь в одну из статуй национального музея искусств. От удивления и... страха. Знаете почему? Не догадываетесь? Скорее всего, уже догадались.

К преподавательскому столу подходит тот самый мулат из машины, который обжимался со своей... спутницей. Статный, в светлом костюме, оттеняющем его смуглую кожу, с гордой осанкой и серьёзностью в светлых глазах.

Я думала, что подобное совпадение происходит только в кино. Ну, знаете, судьба вас столкнула, или книжные писатели решили, что героям нужно непременно встретиться, чтобы осознать чувства друг к другу. Но я живу в реальной жизни и не верю в сказки.

Слышу перешептывания на первых рядах, однако они тут же прекращаются, стоит профессору взглянуть на них.

– Меня зовут профессор Миллер. Я буду преподавать у вас историю фотографии. На лекциях я буду давать материал, который войдет в промежуточный тест, а на семинарах мы будем с вами рассуждать об искусстве прошлых веков.

– С какого века мы начнём в этот раз? – выкрикивает та самая рыжая из Польши. Моника справа от меня фыркает, но ничего не комментирует. Позади и спереди тоже раздаются неприкрытые раздраженные вздохи, но девушка не обращает на них внимания.

– Вы задаёте этот вопрос третий год подряд, мисс...

– Псаровски, сэр. Вы опять забыли мою фамилию, – ко-

кетливо напоминает девушка.

– Я не держу в голове лишнюю информацию. Давайте приступим.

Пока он называет имена студенток, я позволяю себе немного забыться. Почти не обращаю внимания на кокетливые голоса девчонок, на чуть озлобленные, ревнивые басы парней.

Стараюсь восстановить дыхание и успокоиться. Как меня учила доктор? Закрывать глаза, глубоко вдохнуть и выдохнуть. Хотя меня забавляет, как девчонки пытаются выделиться из толпы. Старательно отвечают на вопросы, хоть и неправильно, сидят идеально прямо, не отводят взгляд от профессора. Зря стараетесь, у него уже есть возлюбленная. Он с ней в машине развлекается между занятиями. Интересно, кто-то кроме меня знает о пристрастиях профессора?

– Микелла Райт, – громкий бархатный голос вырывает меня из раздумий. Официальщина. Мое имя слишком длинное, поэтому я прошу всех называть меня:

– Мика.

– Что? – профессор внимательно ищет своими темными глазами среди студенток мой голос.

– Меня зовут Мика Райт.

О, наконец-то нашел. Но тут...

Мы встречаемся глазами. Через расстояние вижу, как меняется его взгляд. Сначала он казался серьезным и сосредоточенным, но сейчас как будто теплеет. Радужка светлеет, во

взгляде появляется какая-то искра. Что, узнал меня? Да, это я увидела вас вчера в машине с какой-то девчонкой, это я застучала вас, и я уликнула от вашего общества так нагло и беспринципно.

Проходит секунда, вторая. Почему он все еще смотрит на меня так, словно приведение увидел? Ах да, я же могу рассказать всему колледжу о ваших пристрастиях, но... не стану.

— Здесь сказано, что вас зовут Микелла, — жестко чеканит мужчина. — Если вы хотите сменить имя, обратитесь в соответствующее отделение.

Он опрашивает других студенток и приступает к лекции. Моника недоумевающе взглянула на меня, когда он перешёл к остальным студентам.

— Почему он привязался к тебе?

В ответ лишь пожимаю плечами и вновь поправляю рукав кардигана — он слегка задрался. Не рассказывать же мне, что я увидела его на парковке во время тр... соития.

Полтора часа пролетают почти незаметно. Под постоянными записями я совсем забываю о странном знакомстве с профессором Миллером.

Утопаю в занятиях, в строгом, но в то же время бархатном голосе. Если бы мы встретились сегодня впервые, я бы полюбила его лекции. Нет, не за внешность, как другие, а за точность высказываний, за объяснение материала. Не зря он носит статус профессора в столь молодом возрасте. Вот правда, сколько ему лет? Тридцать? Тридцать пять? Но прекрас-

ное впечатление от его навыков перекрывает строгий взгляд, падающий периодически на меня и исчерпывающий диалог о смене имени.

– Наконец-то! – выдыхает Моника, когда звенит звонок.

Под общий гул мы собираем вещи и спускаемся вниз к выходу. Почти собираемся, пока на всю аудиторию не звучит бархатный, строгий голос:

– Мисс Райт, задержитесь, пожалуйста.

– Но мне нужно на занятие...

– Я сказал, задержитесь.

Его жесткий тон не внушает ничего хорошего. Замираю на месте, пока мои одноклассники покидают аудиторию. Со всем не двигаюсь. Студентки аккуратно обходят меня, кто-то кидает недовольный взгляд, а кое-кто...

– Эй, чего встала? – недовольно фыркает рыжая полячка, задев меня плечом. – Проход загораживаешь, тормоз.

Класс! В первый учебный день я столкнулась с мулатом из машины, нажила себе недоброжелателей в лице девченок, и, кажется, врага. Молодец, Микелла, ты отлично начала жизнь. Без родителей, без друзей, но с проблемами.

Интересно, что ему нужно?

Глава 3

Чертова девчонка! Как она посмела перечить мне? Наглая. Нахальная. Слишком правильная. То невинно опускала болотные глаза, то дерзко смотрела прямо на меня, вопреки субординации.

Я бы не обратил на нее внимания, если бы не пара фактов. Она застучала меня с Эмили на парковке и... напомнила кое-кого, когда я назвал ее имя. Они похожи, но это в прошлом. Я толком не помню события рокового дня, воспоминания всплывали как в тумане. Но резко сбившийся сердечный ритм говорил об обратном.

Никогда не позволял себе засматриваться на студенток. Никогда. Однажды это плохо закончилось. Псаровски может сколько угодно записываться на мой курс, больше, чем знания, я не предложу. Ни ей, ни кому-либо другому. Хорошо, что Карла поддерживает меня и не задаёт лишних вопросов. Мы поженились, через несколько месяцев родилась Ханна. Мы были счастливы. Были.

Давно задаюсь вопросом, что бы произошло, если бы я поступил иначе. Был бы я счастлив сейчас? Ссорился бы с женой? Находился бы на грани развода? Сложно сказать.

Выруливаю из кампуса на трассу. Хорошо, что не надо далеко ехать. Ханна, наверное, заждалась. Но мысли о дочери временно откладываю.

Прокручиваю в голове разговор с этой «умницей, отличницей и папочкиной радостью с большими бабками». Давно меня так не злили. Если бы моя карьера не висела на волоске из-за этой девчонки, давно бы забил на нее. Парковка была пустой, мы стояли в тени, в самом неприглядном месте. Камеры не доходят до туда, никто рядом не парковался. Как эта глазастая увидела нас? И вот что странно. Она могла донести на меня ещё вчера, но почему-то умолчала. Что задумала эта ненормальная?

– Наше знакомство началось не совсем правильно, мисс Райт. То, что вы увидели в машине, должно остаться между нами, – строго чеканю, когда мы остаемся наедине в большой поточной аудитории.

Девчонка рассматривает свои зелёные кеды, сочетающиеся с белыми гетрами, будто ей интересен герб Уилок Браун, затем поднимает глаза. Рассматривает мое лицо. Внимательно. Чуть сведя брови. Это выражение лица кажется знакомым, но я отбрасываю эту мысль.

– Мисс Райт, вы меня слышите?

– Да, – звучит спокойный девичий голос. С места он звучал громче, увереннее, а сейчас кажется тихим, безликим, как и ее образ в этой зеленой форме.

– Вы никому не расскажите о том инциденте.

– Вы нарушили устав колледжа, – она поднимает глаза на меня и смотрит на меня дерзко. Серьезно? Ты решила идти напролом?

– По закону, я не находился на территории колледжа. Парковка не принадлежит...

– Вы. Нарушили. Устав.

– Дальше что? Это не твое дело!

– Я учусь здесь. Мне говорили, что Уилок Браун – элитный колледж, а не борд...

– Ты не должна никому рассказывать! – жестко обрываю ее и подхожу вплотную к девчонке.

В ноздри ударяет фруктовый аромат, на мгновение улавливаю страх в болотных глазах, но он тут же сменяется уверенностью. Какая дерзкая. Неужели не боишься меня? Та же Псаровски сейчас бы сделала лужу под ногами. Только от чего именно? От страха или от благоговения? Неизвестно.

– Ты. Никому. Ничего. Не скажешь. Это понятно? – чекаю я спустя минуты напряженного молчания.

– Я сама решу, рассказывать мне или нет. Простите, мне нужно на занятия.

– Я вас не отпускал, мисс Райт, – произношу чуть громче, когда девчонка разворачивается и покидает аудиторию. – Мисс Райт!

Однако она спешит завершить диалог. Может, выбежать следом? Вряд ли удастся – толпа народу после занятий может неправильно понять преследование студентки.

И почему она все время поправляет левый рукав? Что за педантство и мнительная слежка за внешним видом? Ох уж эти девчонки!

Она не должна проболтаться декану, и тем более ректору, иначе меня живьем съедят. Мало того, что уволят с позором, так и место будущей работы будет заказано после скандала. Доминик Миллер – профессор и доктор наук, наследник многомиллиардного состояния – уединяется со студенткой на парковке частного колледжа Уилок Браун. Как вам заголовки газет? Вот и мне они не нравятся. Папарацци будет плевать, что со мной была далеко не студентка.

– Папочка! – ко мне навстречу выбегает Ханна, когда я паркуюсь возле дома и выхожу из машины.

– Привет, моя красавица! – обнимаю малышку и кручу вокруг оси. Единственная радость в чертовой жизни. Единственное белое пятно. – Как прошел день?

– Мне поставили «А» с плюсом!

– Умничка! Мы растим вундеркинда!

– Нет, мы растим обычную дочь, – в голову внедряется женский голос, знакомый больше десяти лет.

Карла стоит у входа, скрестив руки на груди. Светлые волосы спадают водопадом до груди, серые глаза недовольно оглядывают меня с Ханной. Что на этот раз?

– Привет, – подхожу к ней вместе с дочкой и по привычке целую в щеку. Карла улыбается уголками губ, но не отвечает. Наш ежедневный обряд, поддержка теплых отношений при Ханне. Видимость счастья, которое со временем потухло.

– Ты как раз вовремя, я поехала к дантисту, – она хватается сумочку и идет к своему мерседесу.

– Ты не говорила, что собираешься к дантисту.

– У мамы заболел зубик, – поясняет Ханна. – Если она его не вылечит, то зубная фея ее поругает.

– Окей, – отмахиваюсь я. – Мы отлично проведем время.

Карла мило улыбается и уезжает к дантисту. Ей плевать, что я больше десяти часов стою у доски и объясняю материал. Не говоря уже о проблемах со студентами, точнее с одной из них. Единственное, что мне сейчас хочется, это поесть и лечь спать. На крайний случай почитать дочери книжку на ночь, потому что Карла ее не прочтет, а Ханна расстроится. Роль заботливого папочки приходится брать на себя, пока жена часто пропадает в городе. Мне даже не интересно, куда она уехала. Как там говорят? Кризис в семье? Наверное, он и есть.

Но я не жалею. Я люблю свою малышку больше жизни. Наверное, поэтому завязал с разгульным образом жизни, женился, когда Карла сообщила о беременности и принял на себя роль добытчика и финансового короля. В университете платят неплохо, к тому же процент от акций киностудии деда приносят неплохую прибыль.

– Что хочет посмотреть моя принцесса?

– Мультик про принцесс! – выкрикивает малышка и усаживается на диване рядом со мной. – Ой, папочка, а что это у тебя на шее? – Ханна показывает на косточку ключицы. Прямо в то место вчера меня укусила Эмили, когда мы уединились в машине на парковке.

Черт! Она знала, что я женат, говорил много раз чтобы не следила на моем теле! Ладно, Карле плевать, но Ханна может увидеть. Точнее уже увидела. Какого хрена? Что за женские замашки и попытка поставить клеймо на мужчине?

– Меня комарик укусил.

– Он такой большой? – она разводит руками в сторону, показывая размеры. – А вдруг, он укусит меня?

– Я не позволю мою малышку кусать каким-то бякам.

– Ура! Я люблю тебя, папочка.

И я люблю тебя, моя радость. Мое счастье и смысл этой никчемной жизни.

От просмотра мультика меня отвлекает входящее сообщение. От декана.

Миссис Ласки: «Мистер Миллер, прошу завтра прийти в 9:00 на личную беседу».

Чертова девчонка! Не сомневаюсь, что меня вызывают не чай попить и поделиться успехами. Неужели та маленькая скромница не сдержала свое слово?

Глава 4

– Девчонки, сегодня будет грандиозная вечеринка! – к нам подбегает довольный Том, поправляя пятерней светлые волосы.

Его громкий голос, раздающийся на весь коридор как пожарная сирена, отвлекает от лекций всего на мгновение. Затем я снова возвращаюсь к записям и лишь вполуха до меня доходит любопытный голос Моники.

– Насколько грандиозная?

– Суперграндиозная! У нас в ДельтаМикс достают самое вкусное пиво, играет самая крутая музыка и к нам приходят самые крутые тёлоч...

– Ты имел в виду девушки? – поправляю парня.

Том переводит на меня взгляд, приподнимает брови, нервно поправляет плетёный браслет на запястье, который не сочетается с черными «Ролексами». В ответ ничего не говорит, молча глядит на меня. И его взгляд отвлекает больше, чем восторженные отклики о вечеринке.

Вновь опускаю глаза в планшет и пытаюсь повторить лекции перед промежуточным тестом. Профессор Миллер обещал жесткую взбучку, если кто-то не сдаст, а я не хочу облажаться, учитывая наши отношения.

– Конечно, – улыбается он шире. – Самые красивые девушки, как ты и... она, – он переводит взгляд на Монику.

– Милый Том, – Моника поднимается со скамейки и подходит ближе к окаменевшему, но хитроулыбающемуся блондину, – если на вашу лузерскую вечеринку не приходят такие очаровательные девушки, как мы с Мики, так сразу и скажи. Ты же знаешь, я поддержу в любой момент.

– Ага, на благотворительной акции ты нас отлично поддержала.

– Разве нет? – она вопросительно приподнимает брови. – Вы собрали больше десяти тысяч долларов на пожертвовании.

– Если бы ты не танцевала на столе в пьяном угаре, наши инвесторы не развернулись бы.

– Неправда! Без меня вы бы не собрали нужную сумму! Они смотрели на мой танец и жертвовали деньги! – Моника недовольно поджимает губы.

– Ага, в твое нижнее белье! Черные танго, если не ошибаюсь, и кружевной лифчик тридцать четыре «Б». Я угадал?

– Ребят, – прерываю их перепалку, ощутив запах жаренных туш. В прямом смысле. – Может, успокойтесь? У нас скоро тест. Ты хотела повторить, – гляжу на соседку.

– Я все знаю, Мики, не переживай. Этот курс я как-нибудь пройду.

– Кстати, ты пойдешь на вечеринку? – обращается Том ко мне.

Я неоднозначно пожимаю плечами, стараясь не показывать, что мое тело напрягается каждый раз при словах «Ве-

черинка», «выпивка», «тусовка» и «музыка». Любой подросток на моем месте поступает в колледж, чтобы вдохнуть полной грудью свободу от родителей и вкусить немного от взрослой жизни. Наверное, я неправильная, раз всеми силами остерегаюсь вечеринок. Что в школе, что здесь, в Уиллок Браун.

Потому что однажды это плохо закончилось...

Я помню все о том дне год назад. Музыку, место, атмосферу, танцы, что именно я выпила, перед тем как отдаться воле судьбы. Шот один за другим, дикие танцы на пару с высоким брюнетом. Его шершавые пальцы поглаживали полоску моей обнаженной кожи между топом и юбкой, глубокий аромат мускуса впитывался в легкие. Я млела от легкости и атмосферы вседозволенности.

С кем именно сошла с ума? Неизвестно. Три часа пронеслись быстро. Они похожи на чёрное пятно. Пустота. Не помню имя, цвет глаз, кожи, черты лица. И не вспомню. Последнее, что я приходит в голову, его хрипловатый бархатный голос, который называл меня Ники, а я много раз поправляла его.

Меня зовут Микелла, а не Ники...

Но последствия запомню надолго.

На тот вечер он стал моим забвением, а на следующий день – погибелью...

– Мики, ты здесь? – Моника щелкает пальцами перед лицом. – Возвращайся в наш строй!

– А? Что? – непонимающе гляжу то на соседку, то на Тома, который почему-то до сих пор не ушел.

– Так ты придёшь на вечеринку?

Что мне ответить? Что я пообещала себе больше никогда не напиваться и не ходить на вечеринки? Что не люблю большое скопление людей? Что мне не нравится, как он смотрит на меня?

– Знаешь, я думаю, что останусь сегодня...

– Конечно придём, правда, Мики? – перебивает Моника.

Спасибо, Моника! Только что ты выгородила меня от триггера! Все равно никуда не пойду, нечего мне там делать.

Пока Моника щебечет с Томою я поднимаюсь со скамейки и сажусь на соседнюю, чуть подальше. Здесь тише, много свободного места, девчонки пока стоят у стены и что-то обсуждают. Отлично, меня никто не будет отвлекать.

Кроме...

Профессор Миллер проходит мимо меня уверенной походкой. Невольно поднимаю глаза. Гляжу на гордую осанку, на равнодушный взгляд в конец коридора. Он ни на кого не смотрит, лишь кивает здоровающимся студентам. Ему не приходится просить расступиться – девушки сами отходят в сторону и бесстыже пялятся на его широкие плечи, на светлую рубашку, закатанную до локтей. При темном освещении в коридоре она оттеняет его смуглый оттенок кожи, а мышцы на предплечьях, кажутся больше, чем есть на самом деле.

Кажется, я снова отвлеклась от лекций. Черт!

Стоит ему зайти в аудиторию, тут же слышу восторженный вздох неподалеку. Знаете от кого? Правильно, от Рамильды Псаровски. Как там говорила Моника? Она его главная фанатка? Ну что ж, удачи. Правда она не в курсе, что у профессора есть пассия, они любят развлекаться в машине, пока студенты учатся.

– Вау! Профессор сегодня красивее, чем раньше! – комментирует на весь коридор Рамильда. Она делает селфи на фоне двери в поточную аудиторию, куда зашёл профессор, затем что-то пишет в телефоне, довольно растягивая полные алые губы.

– Не преувеличивай. Он такой же, как обычно, – комментирует шатенка девчонка возле нее. Подруга, наверное, но я не знаю, как ее зовут.

– Кира, отстань! Знаешь, сколько лайков я наберу после этого поста?

Почему я слушаю их диалог? Все, Мики, думай о тесте. Ни о девчонках, ни о Монике с Томом, ни о вечеринке. О тесте, который примет профессор Миллер через пару минут.

Эти пара минут пролетают очень быстро. Мы заходим в аудиторию со звонком. Девчонки быстро занимают первые ряды, мы с соседкой по привычке идем назад. Точнее пытаемся идти, пока меня не задерживают.

– Кстати, забыл сказать. К завтрашнему семинару мисс Райт вызвалась подготовить реферат на тему: «Управление ракурсом в сороковых годах двадцатого века».

Замираю на месте. Стою, как вкопанная, не в силах сделать шаг вперёд. Моника делает пару шагов наверх, но оборачивается, теряет меня. Я не замечаю, как она спускается обратно, как другие девчонки пытаются оттолкнуть меня, чтобы сесть на свои места.

Молча поворачиваюсь к преподавательскому месту и заглядываю в темные глаза, покрытые мраком. Легкая скользкая улыбка проскальзывает на смуглом лице, однако она быстро исчезает.

Это выражение лица кажется знакомым...

Когда он оставил меня после занятий, я не рассматривала его так пристально как сейчас. Не пыталась поймать оттенок его глаз, рассмотреть маленькие морщинки у глаз. Не спрашивала себя, почему у него такое безэмоциональное выражение лица. Может, потому что мне плевать?

Или потому, что при виде него в памяти всплывала та сцена из машины? Как он целовал роковую незнакомку, как обнимал ее в той тесной машине. Брр... Противная, неприятная. О ней хочется забыть как можно скорее. Каждый раз, стоит только вспомнить, создаётся ощущение, что я окунулась в грязь, а отмыться никак не выходит.

Я знаю о вашей сущности, профессор. Вы не сломаете меня.

Глава 5

Я не могу сосредоточиться на тесте. В голове пустота, передо мной незаполненный лист. Угадайте, в чем причина? Нет, не в мимо проходящем профессоре, который наблюдает за нами, а...

Нет, знаете, в нем. Точнее в его заявлении.

Я не соглашалась ни на какие доклады, ни на выступления перед всей аудиторией. Откуда он взял эту информацию? К чему была та ухмылка? Что я сделала ему? Оказалась не в том месте и не в то время?

За оставшиеся пятнадцать минут пытаюсь сосредоточиться и перестать отрывисто дышать в листок, но выходит плохо. К концу сдаю заполненный тест. Самая последняя.

– Ты столько готовилась! Как ты могла переволноваться? – спрашивает Моника, когда мы выходим из аудитории.

– Не знаю. Просто его объявление о докладе на всю аудиторию... я...

– Ничего, если что, сможешь пересдать. Профессор только выглядит суровым, но он понимающий.

– Не со мной.

– Да ладно тебе, не переживай. Даст пересдать, если что. Кстати, ты не говорила, что хотела написать доклад.

Я и не хотела, меня заставили.

Но в ответ я ничего не говорю, иначе придется рассказать

об инциденте на парковке, а я не хочу. Ни делиться, ни вспоминать об этом. Черт! Снова перед глазами темный взгляд преподавателя. Темный и опасный, будто готов убить на месте. Только я не стану жертвой. Снова.

– Кстати, ты слышала, что профессора недавно вызывали к ректору по личному вопросу? – как бы невзначай произносит Моника.

– Нет. Какая мне разница?

– Ты не понимаешь? – она смотрит на меня во все глаза. – Если сам ректор назначает встречу, то ничем хорошим это не заканчивается. В прошлом году так уволили профессора высшей математики. А он такое творил со студентами, что...

– С чего ты взяла? Как тебе вообще пришла эта идея...

– Мисс Райт, задержитесь, – прилетает в спину, когда мы с Моникой подходим к выходу. Строго. Я бы сказала яростно.

Задерживаю дыхание и пытаюсь не поворачиваться на устрашающий голос профессора Миллера. Слова Моники застревают в голове, а доклад от профессора Миллера лишний раз запугивает.

Черт, кажется, я попала...

Опять задрался рукав. Надо поправить.

Подхожу к преподавательскому столу и... все. В голове крутится множество вопросов. О предвзятом отношении, о том разговоре после первого занятия неделю назад. Я не просто так старалась ради этой стипендии, очищала свою репутацию от прошлого и строила новую. Он не испортит мое

будущее, я не позволю.

Внутри меня накапливается злость. За что? За подставу с докладом, за угрозы, за...

За то, что он тихо мстит, без объявления войны. Ухмыляется, чтобы его намек поняла только я. Только я не боец, не на этом сражении.

– Как я уже говорил, вы подготовите доклад. Давайте проанализируем вопросы, на которые вы должны раскрыть...

– Послушайте, – прерываю монотонную речь профессора и впервые за наш разговор поднимаю глаза. – Если вы хотите меня подставлять, у вас ничего не выйдет! Я не сделала вам ничего плохого, вы не можете просто так дать мне задание и не предупредить о нем! Если я случайно застучала вас за... прелюбодеянием, то... Черт!

Выдохни, Микелла, выдохни! Получилось? Теперь продолжай.

– Мне с большим трудом далась стипендия! Я не хочу вспоминать ваши обжимания с женой или со студенткой, или с мимо проходящей женщиной. Отстаньте от меня и позвольте учиться спокойно, без предвзятости! А еще... Почему вы улыбаетесь?

На самом деле его полные растянулись в улыбке всего на пару секунд. Она не такая опасная и хитрая, как перед тестом. Наоборот. Забавная, насмешливая, словно я только что рассказала программу стендапа на вечер. И, судя по его выражению лица, не самую удачную.

– Сядьте, мисс Райт, – указывает на стул перед ним. Теперь его голос звучит более серьезно, строго, с легким нажимом в хриплых нотках.

Смотрю в упор. Не отворачиваюсь, не прерываю контакт с темнотой во взгляде профессора Миллера. Он оглядывает меня темными глазами, на секунду останавливается на быстро вздымающейся грудной клетке, еще секунду – на губах. Затем соединяет наш зрительный контакт.

Ощущение, что меня бьет током. Импульсами с разницей в секунду. Потоки очень легкие, но ощутимые. Их невозможно проигнорировать. Коленки подрагивают. Дыхание сбивается. Меня поглощает этот взгляд. Темный. Изучающий. Засасывающий в воронку неприятностей.

Как год назад...

– Я бы мог сослаться на вашу глупость и попросить назначить вам другого преподавателя. Я бы мог осадить вас и никогда больше не пускать в свой класс. Я бы мог молча рассказать ректору о вас. Он найдёт причины избавиться от стипендиатки. Но я позвал вас для обсуждения вопросов по докладу. Вы изучили тему?

– Я...

– Мисс Райт, у вас проблемы с речью?

У меня проблемы с вами, Профессор. С пониманием того, что вы от меня хотите, чем руководствуетесь, делая тот или иной выбор. И почему рядом с вами я чувствую себя некомфортно. Если бы в школе меня попросили сделать до-

клад, я бы ни за что не отказалась. Это шанс проявить себя, маленький плюсик в копилку к стипендии. Я была уверена в своих знаниях и не боялась, что преподаватели могут завалить меня.

Но сейчас все наоборот...

– Я не стану делать доклад.

– Это не просьба. Вы сделаете доклад.

– Перестаньте! – вскакиваю я с места. И не только я.

Он резко поднимается с места и прижимает меня к стене. Он совсем близко. Цитрусовый аромат проникает в легкие. Чувствую себя загнанным зверьком, который немедленно требует... выхода... из западни... или остаться здесь, в объятьях хищника.

– Ты очень хороша, Ники!

– Я Микелла...

Черт!

Почему именно сейчас бархатный голос из прошлого проник в мою голову?

– Ты будешь делать доклад. Жду твои вопросы на эмейле. А теперь иди отсюда.

И я убегаю как можно быстрее. Подальше от препода, от его строгого взгляда, от неприятных воспоминаний, которые сломали мне жизнь. От бархатного голоса, так сильно похожего на голос из прошлого.

Не пойду я ни на какую вечеринку! Буду сидеть и обдумывать разговор с ректором. Потому что это невыносимо! Про-

фессор Миллер относится ко мне предвзято! Так нечестно!
Я обязательно подам жалобу и попрошу, что в мне сменили
преподавателя! К черту эти правила, к черту Миллера!

И к черту вечеринки!

Глава 6

– Ты все-таки пришла! Молодец, Микелла!

– Можно просто Мики, – поправляю чуть шатающегося Тома. Он глядит на свою руку расплывчатым взглядом, поправляет плетёный браслет и уставляется на меня тем же пьяно-голубым взглядом. Кажется, кто-то уже перебрал.

– Хорошо, красавица Мики! У тебя прекрасное платье и...

И «прекрасное» настроение. Особенно после того, как Моника заставила меня надеть одно из своих платьев, сделала боевой раскрас и притащилась сюда. Я не хотела, честно, но соседка настояла.

– Ты выглядишь как кровожадная акула! Еще немного, и меня съешь!

– Не съем.

– Тогда пошли на вечеринку! – она сияет своими скрашенными глазами.

– Не хочу! Не люблю вечеринки!

– Давай так, если не понравится, мы вместе оттуда уйдём. Ты можешь не пить и не есть, просто наслаждайся вечером.

Уже жалею, что поддалась на провокации соседки, потому что... Я ее потеряла в первую секунду появления здесь. Мы находимся в доме братства «ДельтаМикс», вокруг полно людей. Запах алкоголя стоит в горле, громкая музыка оглу-

шает.

Хочу тишины...

– Ну что, пошли играть? – Том весело перекрикивает громкую музыку, едва стоя на ногах.

– Во что играть?

– Как это во что? В бутылочку! Вон, наша звезда уже на месте!

Моника сидит рядом с каким-то парнем в обнимку и интенсивно машет меня, чтобы я села рядом.

Черт! Только не это! Где здесь найти выход?

– Мики, иди к нам! Чего ты там стоишь?

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти входную дверь. Дом братства достаточно большой, а меня уже завели в дальнюю комнату. Почему я слышу голоса сквозь музыку? Почему чувствую аромат алкоголя? Почему не убегу? Хотя бы в отдельную комнату, чтобы предотвратить приступы тошноты.

Меня безбожно тянут в соседнюю гостиную, где сидит Моника и ещё пара ребят. Неуверенно оглядываю их. Пытаюсь глубоко дышать. Вдыхать воздух, а не пары алкоголя и табака. Плохо выходит. Музыка не так сильно бьет по ушам в этой части, но все же мне некомфортно. Было, есть и будет...

– Ну что, кто первый!

– Я...

Этот голос узнаю из тысячи. Бархатные нотки, полные строгости, внедряются в голову, дублируются раз за разом.

Поворачиваюсь и встречаюсь с темнотой в знакомых глазах. Пару часов назад они были слишком близко, я видела в них оттенки золота, перепрятанные за яростью.

Яростью на меня.

– Посмотрите, кого я нашла! – из-за спины статного мужчины выглядывает довольная рыжая Рамильда Псаровски. – Профессор согласился с нами повеселиться! Правда, профессор Миллер.

Вместо ответа профессор сверлит меня взглядом, оглядывает мое платье, подчеркивающее изгибы фигуры, спускается к ногам, которые потряхивают по его взглядом-сканером.

Так, где здесь выход? Я определенно должна его найти, иначе...

Крах.

– Эй, ты куда смотришь? – спрашивает меня Том. – Давай ко мне на колени.

– Зачем на колени? Может... ай!

Но меня отказываются слушать. Том просто тянет меня к себе и замыкает своеобразны замок вокруг моей талии. Я в тупике, в засаде. В тюрьме. Мои колени подрагивают, не чувствую под собой опоры. Но больше всего смущает внимательный темный взгляд, окутавший меня с головы до ног. Теперь он находится напротив. Рамильда усаживает его в ярко-желтое кресло, не сочетающееся с красной стеной позади и темно-синим ковролином, но я не обращаю внимания на дизайн.

Зачем он рассматривает меня? Почему останавливается на обнаженных платьем ногах, на плечах, на губах?

Почему его полные губы слегка растягиваются в улыбке?

После сегодняшнего разговора в аудитории я не хочу его видеть. Нигде и никогда. Декан сказал, что попробует найти замену. Когда? Неизвестно. Профессор Миллер один из самых лучших историков кино. Через его рекомендацию проходили множество талантливых людей, которые впоследствии стали звездами кино и сериалов. Я тоже хочу иметь прекрасное будущее, но мне придется выбрать.

Что важнее: спокойствие и одиночество или волнение и проход к славе?

– Профессор, вы будете играть с нами в бутылочку? – отвлекает от размышлений Псаровски. Она довольно строит глазки Профессору, записывая что-то в телефон. Еще бы камеру на него навела и выставила в свой профиль.

– Я не целуюсь со студентками, мисс Псаровски.

– Правда! Зачем подставлять профессора? – встревает Моника. – Давайте сыграем в правду или действие. Вы же играли в нее в колледже?

– Конечно, он играл. Какой дурак не знает правила? – подхватывает Том.

Чувствую себя не в своей тарелке. Не у себя дома. Дышится с трудом, сердце стучит слишком быстро. И он. Его взгляд. Темный. Будто заглядывающий вглубь меня. В израненную душу, требующую свободы.

– Я начну! – подхватывает Моника. – Томми, правда или действие?

– Я? – парень слегка подпрыгивает вместе со мной. – Давай правду.

– Сколько девушек тебе удалось заманить в свои нескромные лапы? – соседка недвусмысленно играет бровями.

– Какая хитрая! Хочешь оказаться в их числе?

– Вообще-то я спрашиваю о вашем братстве, пошляк!

Не вижу лицо Тома, но чувствую, как он в мгновение ока напрягается. Скоро станет таким же каменным, как и я. Только он находится во власти взгляда Моника, а я – под пронзительными лучами профессора Миллера.

Я не слышу, как они припираются, как продолжают игру на парне рядом с Моникой. Он вроде задаёт вопрос Рамильде, но я не вслушиваюсь в веселые, полупьяные тона.

Потому что колкий взгляд профессора привлекает мое внимание гораздо больше. Он может не глядеть прямо в глаза, а рассматривать мои обнаженные коленки, на которые я натягиваю платье. Я кожей почувствую его присутствие. После сегодняшнего дня я стала чувствовать его особенно остро. Можете, у него есть способности выпускать лазерные лучи, способные сделать из тебя мешок с пылью?

Превратить в ничто.

Мне кажется, что он узнал о моем походе к декану, и теперь пришел отомстить. Обычно преподаватели не посещают студенческие вечеринки. Хотя что я об этом знаю?

– Профессор, – отвлекает звонкий голос Рамильда Псаровски, – Правда или действие?

И тут напрягаюсь я. Потому что он переводит взгляд с Псаровски на меня.

Черт!

– Слушай, я, наверное, пойду, – кричу на ухо Тому и пытаюсь встать с колен.

– Да ладно, красotka, – он ослабляет хватку, но не выпускает меня. – Посиди рядом, потом я покажу тебе прекрасный вид на кампус.

– Может, не...

– Правда, – звонок произносит профессор.

– Расскажите о самом ярком случае в вашей жизни!

Рамильда глядит на профессора Миллера любопытными глазами. Моника присоединяется к ней, а Том ослабляет свои руки на мое талии и позволяет сесть рядом. Хотя бы на коленях и буду сидеть и чувствовать себя максимально неудобно.

– Даже не знаю, у меня было много ярких случаев.

– Расскажите самый яркий. Вдруг вы планету спасли, а мы об этом не знаем! – подхватывает Моника, сверкая серыми глазами.

Профессор не торопится удовлетворить любопытство студенток. В н внимание приковано к нему. Даже мое. Надеюсь, что, когда он начнёт рассказывать историю, ребята не заметят, как я уйду. Том ослабит руки талии и позволит улизнуть.

Бесследно. По-английски. Зря я позволила Монике уговорит себя. Поддалась, расслабилась. Теперь жалею б этом всеми силами.

– Был у меня один случай, – начинает профессор Миллер. Так, Том больше не держит меня. Пора уходить. Почти приподнимаясь с насиженного места, как меня простреливает током бархатный голос мужчины. Точнее его слова.

– Год назад я встречался с друзьями отмечали в ночном клубе «Нью-Йорк» в Лас-Вегасе.

Замираю. Не двигаюсь. Дыхание останавливается. Сердцебиение, кажется, тоже. Напоминание о месте моего падения пронзают душу, разрывают ее на две части. Больно, неприятно. Я тоже была в этом клубе. Год назад.

– Когда зазвучала медленная музыка, я увидел одну девочку на танцполе. Вдрызг пьяную.

– И вы вытащили ее из клуба? Отвезли родителям? – перебивает Рамильда.

– Вы же не сказали ее родителям? – встревает следом Моника.

Пока девочки одолевают мужчину, я все больше и больше напрягаюсь. Вовсе забываю о побеге, гляжу лишь на преподавателя истории кино. А он на меня. Словно рассказывает историю мне одной, никому больше. Словно вокруг наступила пустота. Музыка в соседей комнате не доносится нас тяжелыми басами, а студенты и вовсе исчезли из виду.

– Не сказал, – продолжает профессор. – Я увидел ее спут-

ника и отступил.

Его взгляд пронзает меня. Снова. Его глаза подсвечиваются, кажутся светлее. Как нефрит золотистого оттенка. Воспоминания пробегают в голове снова и снова. Ночной клуб, биты музыки, мой спутник с бархатным голосом. И темный, любопытный взгляд, который вижу в далеке.

Он не принадлежал моему «ночному приключению», но я вспоминаю его также Ясно, как сейчас гляжу на профессора. Осознание не сразу доходит до меня, мозг отрицает реальность и понимание, что он был там. В тот день, когда моя жизнь разделилась на до и после. Когда я превратилась в ничто. В пепел. В безжизненную игрушку, которой управляли кукловоды. Причём весьма эффективной качественно.

Он знает мою тайну. Он знает.

Резко поправляя задравшийся рукав и решительно поднимаюсь с места. Бегу к выходу. Не слышу ничего. Ни музыки, ни удивленных выкриков. Не чувствую любопытных глаз на своей спине. Даже *его*.

Свежий воздух и тишина не успокаивают. Мне не хватает кислорода. Прохладный ветер с океана дует прямо в лицо, но мне совсем не холодно. Отбегаю далеко от дома братства, но не в сторону общежития. Гораздо дальше. Возле аллеи с лавочками. Здесь никого нет, а за большим дубом не видно, что здесь кто-то сидит. То, что нужно.

Надеюсь, профессор ничего не расскажет. Не расскажет, что той пьяной девчонкой была я. И е расскажет о послед-

ствиях, о которых трепетались все вокруг.

– Райт, – окрикивает меня бархатный голос. Совсем рядом. На скамейке. Ощущаю его совсем рядом. Дыхание, прохлада тона. Превосходство надо мной.

Он пришёл добить меня...

Глава 7

Периодически вспоминаю моменты падения. Они проникают в душу, разрывают ее на сотни частей, затем постепенно склеивают обратно. Падение запоминаются лучше, чем радость и абсолютное счастье. Может, потому что его просто не существовало в моей жизни?

Помню, как женился на Карле, ощущая отчаяние в груди, помню, как родилась Ханна и взглянула на меня своими мутно-темными глазами. Однако это все меркнет под воспоминаниями, приносящие боль.

Я не сразу вспомнил ее, не сразу понял, кто эта девчонка, чье присутствие на занятиях бесило больше всего на свете. Только сегодня, перебирая в голове воспоминания прошлого, я добрался до истины. И не только я. Если бы я не показал фото другу, с которым мы сидели в том клубе, то я вспомнил о Микелле гораздо позже.

Как она говорила? Ей исполнилось восемнадцать, и она решила выбраться из родительских лап? Поссорилась с ними и уехала в Лас-Вегас за весельем?

Сейчас она совсем тихая, скромная. Держится ото всех в стороне. Не похожа на ту веселушку-хохотушку, ищущую приключения на свою пятую точку. Если бы я не увидел, как она ушла, никто бы и не заметил.

И сижу здесь. Рядом с ней.

– Попалась, куколка.

Под дубом совсем темно. Свет фонарей не доходит до нас, но я и без того замечаю ее испуганные взгляд. Смотрит на меня как загнанный зверёк. Как мышка перед котом, готовым съесть ее вместе с узеньким хвостиком. Не отводит расширенных глаз. Зеленые. Помню их. Год назад они казались такими же перепуганными, темными. Зеленоватый оттенок вовсе отсутствовал.

Девчонка дрожит. Манит. Хочется успокоить, но сдерживаю себя. Внешность обманчива. Только со стороны мисс Райт кажется невинной овечкой, но внутри, в душе, она та еще стерва. По просьбе Кента, моего друга, я узнал о ней гораздо больше, чем видел своими глазами.

Она должна осознать, что не стоит ходить к декану с жалобой на меня, не стоит переходить мне дорогу.

Если я возрожу кошмар из ее прошлого, мне будет только на руку. И у меня получилось вывести ее из себя. Вряд ли руководство в курсе, какую змею пригрели к груди. Развратную, пошлую, не знающую границ. И беспринципную, раз она пошла к декану.

– Что вам нужно?

– Могу задать тебе тот же вопрос.

– Вы серьезно? – она взмывает светлые брови вверх. Или мне кажется? Темнота все ещё не позволяет разглядеть полностью выражение ее лица. Могу только догадаться или внимательно приглядеться к девичьему миловидному лицу,

скрывающему за собой скверный характер настоящей стервы.

– Абсолютно.

– Мне ничего от вас не нужно!

– Правда? Тогда зачем ты ходила сегодня к декану и рассказывала о...

– Я. Ничего. Не. Рассказывала, – цедит девчонка сквозь зубы.

Какая дерзкая. Брови супит, сжимает губы, кулаки. Если бы не взглянул мельком на ее руки, стискивающие скамейку, то вряд ли бы заметил. Кажется, еще немного и набросится на меня. Сомневаюсь, конечно. На физические нападки не хватит силёнок – слишком худенькая и хрупкая.

Но меня этим не пронять.

– Ты перебила меня.

– Боже! – вскрикивает она и полностью поворачивается ко мне. – Да мне плевать на вас! Я хочу забыть о нашем знакомстве, той сцене на парковке, о клубе! Я поступила сюда, потому что у меня не было выбора! Родители отказались от меня, я осталась одна после того случая! Я хочу начать новую жизнь, забыть о прошлом, а вы напомнили о нем! Что вам нужно от меня, профессор Миллер? Хотите самоутвердиться за мой счет? Показать, какой вы весь из себя крутой красавчик-мажор? Со мной это не работает!

Если бы мы не встречались в прошлом, и если бы я ее не вспомнил, то подчеркнул бы, как мило она кричит и как

нехотя злится. Словно не хочет расстраиваться лишний раз, но эмоции дают трещину. Понимаю ее. Они накапливаются, ты терпишь. Они наполняют чашу в твоей душе, а ты никак не можешь ответить. И срываешься. Повезет, если под рукой окажется незнакомец, как я для нее.

Но если родной человек, то это заканчивается трагедией. По себе знаю...

– Зачем вы рассказали о том случае? – спрашивает с придыханием, словно пробежала кросс, прежде чем задать вопрос. И я впервые в жизни молча гляжу на девчонку, ничего не отвечая. – Хотя какая разница? Вам все равно плевать на мои чувства! Вы меня совсем не знаете! Вы даже не удосужились узнать причину моего похода к декану. Вы просто...

Запинается. Замолкает. Ее темные глаза, слегка отдающие зеленым блеском, расширяются. Что, боишься? Страшно говорить правду в лицо? Ты и так высказала непростительно много. И ты, мисс Райт, вызываешь сильное желание обратиться напрямую к ректору и поднять вопрос о твоём исключении из Уилок Браун.

– Вы... вы...

– Ну, говори.

– Вы сволочь! Вы рассказали всем о моем кошмаре из прошлого! Вы даже не представляете, сколько месяцев я ходила к психотерапевту и восстанавливалась! Мне было больно! Мне сейчас больно! Но вам плевать! Всем друг на друга плевать, кроме себя!

– Ты собиралась меня сдать! – цежу я.

– Вы совсем меня не слышите? – спрашивает чуть тише. – Не собираюсь я вас сдавать! А зачем мне это нужно? Я не крыса какая-то!

– Ты студентка.

– Я стипендиатка! Черт возьми! Что я вам сделала? Что вы ко мне пристали?

Потому что ты много знаешь. Потому что твое наглое поведение выводит меня из себя. Потому что ты – малявка, возомнившая себя страдальцей. Ты можешь что угодно плести о боли и сожалении, но мне будет плевать и на это. Потому что у нас есть общее прошлое. Я знаю о тебе многое, если захочу, узнаю гораздо больше. Но вместо этого произношу вслух другое:

– Запомни, милая, я знаю все о тебе. Я знаю, что ты сегодня хотела сходить к декану, даже назначила с ним встречу. Хорошо, что тот уехал по делам, иначе...

– Мне плевать на вас и на ваши шашни со студентками!

– Во-первых, это была не студентка, во-вторых, если ты раскроешь рот, я раскрою в ответ.

– Что вы имеете в виду?

Ага, голос подрагивает, она вся сжимается. Что, страшно стало, мисс Райт?

– У меня тоже есть козыри в рукаве, милая, и я обязательно ими воспользуюсь. Я расскажу, что видел своими глазами и что еще не успел застать. Кстати, сколько ему уже? Месяца

три, наверное. Почему ты никому не сказала, что родила...
– Пошел ты!

Она быстро поднимается и покидает лавку. Пусть убегает. Однако от прошлого не убежишь, как и от проблем. Теперь я точно уверен, что она будет молчать. Превосходство над ситуацией овладевает мной. Я решил проблему. Но на душе почему-то становится беспокойно. Не могу понять, в чем проблема. Почему я перевариваю ее слова и пытаюсь спроецировать их на себе. Почему не поеду домой к Ханне и не прочитаю ей сказку на ночь? Сложный вопрос.

Но ответ находится через пару минут с входящим сообщением от друга.

Кеннет: «Чувак, я нашел еще кое-что на твою девчонку. Смотри, здесь много интересного. Надеюсь, ты не успел поговорить с ней».

Если бы ты прислал это сообщение раньше...

Глава 8

Судьба охотно толкала меня в пропасть, на самое дно, откуда не было выхода. А я каждый раз выбиралась из неё, как скалолаз. Карабкалась по стенке, опираясь на едва выступающие камни, вставала на ноги, удерживая равновесие ослабленного тела. Стоя на выступе, пыталась взглянуть вперед и увидеть будущее. Счастливое и беззаботное. Однако вместо него перед глазами расплывался лишь смог.

Я видела его всегда. Когда поссорилась с родителями на своё восемнадцатилетие, когда сошла с катушек с незнакомым человеком в Вегасе. Когда узнала о беременности.

И когда мне сделали аборт...

Я понимаю родителей; им не хочется воспитывать ещё одного младенца. Лучше уделить внимание младшей дочери, а о старшей забыть, как об ошибке.

Но что мне остается?

Не посещать занятия? Тогда меня исключат. Попросить другого преподавателя? Пыталась. Мне сказали, что мистер Мастерпис не берет новичков. Свою группу он набрал.

Мне стыдно появляться в университете, стыдно встречаться взглядом с профессором. Он наверняка притворится, что между нами ничего не произошло, но это не значит, что он забыл об нашем разговоре. Вспомните, он дал мне задание в виде доклада после беседы в первый учебный день. Он

ничего не забыл. Так что предвзятость никуда не уйдет. Он будет с новой силой прессовать меня, вставлять палки в колёса. Черт!

Молодец, Микелла. Ты наорала на преподавателя, оскорбила его, а сейчас боишься выходить из комнаты. Как самый настоящий трус. Ты столько лет была послушной и следовала советам родителей. Каким бы гадом не был профессор Миллер, ссориться с преподавателями нельзя. Пора принимать собственные решения и решать проблемы мирным путем, без ссор и скандалов.

Одного вполне хватило...

– Вставай, страдальца! – Моника заходит в комнату и резко открывает шторы. Свет пронзает взгляд, заставляет зажмуриться с непривычки. – Ты сегодня такое пропустила! Нам показывали модель первой киноплёнки в натуральную величину! Это так классно! Эй! Ты даже не улыбнулась!

Чему мне улыбаться? Какой-то древней штуке на колесике? Или тому, что у соседки плохое настроение? Я который день не могу настроиться, пропускаю лекции мистера Миллера, а она...

– Слушай, – Моника садится на край кровати и смотрит на меня пронзительными серыми глазами. – Я понимаю, ты не хочешь делиться, но пора выбираться из своей скорлупы. Если ты не будешь ходить на занятия, ректор тут же выкинет тебя. Ты и так пропустила три дня.

– Знаю, но...

– Что «но»? Хочешь проспять свои труды годовалой давности? Ты с той вечеринки как не своя. Еще сбежала. Я вообще не заметила, как ты ушла.

Наверное, потому что я ускользнула тихо, пока профессор рассказывал мою историю. А я переваривала ее в голове. Каждое слово. Оно сопровождалось ужасными картинками, о которых я, казалось, забыла. Я хотела позвонить доктору Диппенс, чувствуя упадок сил, но передумала. Пройдет. Все пройдет.

– Я же говорила, что не люблю вечеринки.

– Не бывает такого, Мики! Просто ты неправильно веселилась. В следующий раз я покажу тебе настоящую вечеринку, а не это сборище недобратства.

Ее аккуратный нос морщится при напоминании о «ДельтаМикс». Интересно, что она не поделила с ребятами? С одним из них охотно обжималась на вечеринке, пока мы играли в правду или действие. Но в это время я замечала, как ее полутрезвый взгляд касался Тома.

– Может, не над...

– Надо-надо. Хоть из своей скорлупы выйдешь. Но только через две недели, я обещала съездить к матери на этих выходных. Она опять собралась замуж, – девушка закатывает глаза. – Этот новый хахаль совсем ее не...

Грудь резко сдавливает. Пронзает тысячами игл. Больно слушать, что кто-то едет к родителям, сидит за ужином, кто делится теплом, которого мне не хватает. Я не могу позво-

лить себе такой роскоши, точнее, мне не позволяют.

Но я должна научиться жить самостоятельно, справляться с трудностями. Я все смогу.

– Кстати, смотри! – Моника достает телефон и протягивает мне. – Рамильда Псаровски выложила пост о вечеринке.

В этом самом посте фотография профессора Миллера, сидящего в ярко-желтом кресле, на фоне красных стаканов из-под крепких напитков. Без тени улыбки. Взгляд серьезен, как на парах. Рукава голубой рубашки закатаны до локтей, открывая смуглые рельефные предплечья. Ребята размыты на фоне профессора. Либо камера так сняла, либо Псаровски постаралась.

«Наш любимый Доминик готов тусить с крутыми студентками! Давайте поддержим самого красивого преподавателя в Уилок Браун своими лайками! P.S. зацените руки нашего красавца! Это чума, девчонки!» – гласил пост.

Следующая фотография в карусели явно была взята с личного профиля профессора. Ибо он не обнимался ни с какими блондинками и не носил майку «Моя жена лучше всех». Значит, это жена.

Но в машине была брюнетка...

– Стерва! Даже не подумала, что профессору может прилететь! Кто будет преподавать ей, если не он? – возмущается соседка, прервав мой мыслительный процесс.

– Интересно, если он уйдёт, она тоже?

– Скорее всего. Но я ее понимаю. Профессор действитель-

но красивый. Такими только рождаются, даже пластика не поможет, – восхищенно потягивает Моника, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности. От лишнего упоминания профессора Миллера неприятно колит в груди. – Если бы правила колледжа позволяли, я бы с ним замутила раньше, чем Рамильда Псаровки нанесла красную помаду на свои вареники.

Не сомневаюсь. И его не остановили бы статусы и возможный скандал. Вспомнить хотя бы ту брюнетку на парковке.

– Знаешь, – продолжает Моника. – Меня привлекает в нем даже не внешность, а характер. Он правильный, честный. Он настоящий мужчина.

И при этом угрожает своей студентке раскрыть рот о своем прошлом.

Почему-то после слов соседки мне хочется пойти в туалет и обняться с фарфоровым другом красоты абсолютно фальшивых слов. Всем только кажется, что он правильный и честный, однако никто не замечает его истинную сущность. Наглость, беспринципность, угрозу, поступающую от него. Именно эти эмоции я уловила от него в первую встречу, на первом занятии и после вечеринки, сидя под дубом. Хорошо, что я сдержалась и не заплакала, расслабилась только в комнате, когда хлопнула за собой дверь.

Он не должен видеть мою уязвимость, и без того знает слабые места.

– Так что, завтра идешь на занятия?

Выбор невелик. Моника права. Либо меня исключат, либо я извинюсь перед профессором Миллером и буду дальше спокойно учиться.

Наверное.

– Что хотел показать режиссёр этим кадром?

– Трудность выбора, – выкрикивает Псаровски, оглушая меня. Черт возьми, нельзя же так громко. Однако пронзительный крик девушки заставляет выползти из размышлений.

– Какого выбора?

– Между страхом и любовью. Персонаж боится совершить подвиг ради любимой из-за фобии, но не может допустить, чтобы она умерла.

– Но совершит ли он подвиг ради неё? – спрашивает блондинистый парень, сидящий рядом с Рамильдой.

– Конечно! Он же ее любит!

– В некоторых случаях страх сильнее любви, мисс Псаровски, – добавляет профессор.

– Любовь побеждает все.

– Ты судишь слишком романтично, – перебивает парень. – В жизни так не бывает.

– Но это кино, а не жизнь. А ещё...

Дискуссия продолжается без меня. Сегодня семинар, аудитория не поточная в виде амфитеатра, как обычно, а маленькая. Нас четырнадцать человек, мы поделены на три

группы. Или на четыре? Не помню. Моника попала в третью группу, а я во вторую. И на мое «счастье» я сижу в одной группе с Рамильдой Псаровски.

Я не хотела выходить из своей конуры, тянула до последнего. Наверное, если бы Моника не дала пинок, то вряд ли бы я явилась в университет. Но умом понимала, что у меня нет выбора.

Никогда не будет.

Вздрагиваю со звонком в коридоре. Закрываю тетрадь после полутора часов постоянного писания. Хотя я и вздрагивала каждый раз, когда профессор глядел на меня, боялась, что вместо лекции он начнет рассказывать о моей личной жизни. Как на вечеринке у ДельтаМикс. Но я ошиблась. Внимание ко мне было ровно таким же, как и к другим студентам, и меня это настораживает до сих пор.

Жду, когда другие студенты покинут аудиторию, прежде чем я подойду к профессору Миллеру, постараюсь искренне взглянуть в его глаза, и произнесу:

– Я бы хотела сказать...

– Прости меня, – перебивает бархатный голос.

Что?

Глава 9

Удивленно смотрю в глаза профессора Миллера, пытаюсь найти хотя бы толику иронии. Но ее там и нет. Золотистые глаза смотрят серьезно, не опускаются ниже моего лица. Украдкой чувствую, как мои губы одаривают золотым блеском глаз профессора. Соединяет со мной тоненькой нитью, которая рвётся в этот же миг.

– Я должен попросить прощения за тот инцидент, – продолжает он. – Мне не следовало упоминать твою историю.

Молчит. Долго молчит. При этом не отрывается от моих глаз. Вижу, как его широкие челюсти перекатываются под загорелой кожей, как ноздри слегка раздуваются. Он будто хочет что-то сказать, но сдерживается.

Сейчас, без моральной поддержки, я чувствую себя абсолютно одинокой. Мне кажется, что профессор будет нападать на меня, объяснять свои слова, поучать, как любят делать взрослые.

Как любит мама...

И я молчу. Лучше мы закончим эту тему, я перестану удивляться поведению профессора, неделимы будем вспоминать прошлое и его последствия. Потому что мне больно. Неприятно. Никогда не было. Грудь наполняет яд, растворяющий живые клетки моего организма. По крайней мере, мне так кажется, когда профессор приоткрывает полные губы и

произносит:

– Тогда нашёл тебя абсолютно невменяемую. Не было похоже, что ты расстроена. Если бы я знал, что...

– Что меня изнасиловали? Что како-то идиот воспользовались моим положением и оставили на грязном асфальте за баром? Или что после этого я забеременела? Или что родители выставили меня из дома после поступления в университет?

Чувствую, как слёзы одолевают меня. Ужасно противный ком в горле расширяется, сдавливают, затрудняет дыхание.

Он не должен видеть меня слабой... никто не должен... но эмоции берут надо мной верх, выплескиваются. И я не могу это контролировать.

– Я осталась одна. Опозоренная. У меня никого нет! Ни родителей! Ни ребенка... Никого... я...

Боже! Почему-то такая слабая? Почему унижаюсь перед незнакомым человеком? Почему рассказываю ему свою историю, которую он наверняка знает. Иначе не смотрел бы на меня с такой жалостью и...

Не обнимал бы *меня*.

Сначала я не поняла, откуда взялось тепло, согревающее мою тело, но через пару секунд в ноздри проникает аромат его одеколona. Он вкусный. Единственный в своём роде. Смесь дорого аромата модного дома и запаха тела. Кажется, немного пахнет сигаретами. Он курит? Вряд ли. Иначе Рамильда Псаровски обязательно обсудила с девочками красо-

ту дыма, выходящего из полных смуглых губ профессора.

– Если тебе до сих пор трудно, могу посоветовать отличного психолога.

– Спасибо, но не стоит.

На самом деле, мне не помешала бы помощь, и я бы хотела с кем-то поговорить, поделиться, позволить покопаться в своей голове. Только мамина подруга отказалась со мной работать по ее просьбе и запросила большую сумму за сеанс. А на другого психолога у меня банально нет денег. Возможно, когда начнутся мои смены в кофейне около университета, тогда появится небольшая сумма на пару сеансов в месяц.

– Или... если есть желание, можешь звонить мне в любой момент. Это никак не повлияет на мое преподавательское отношение к тебе.

– Тогда зачем вы попросили меня сделать доклад? Вы пытались выжить меня из колледжа.

– Ректор сказал, что ты проявила невероятную активность в выпускном классе. Он сделал ставку на тебя, как на стипендиатке. Это не связано с моей предвзятостью и с нашим прошлым. На твое выступление придут влиятельные люди из киноиндустрии. У вас больше шансов проявить себя, чем у других. Если хорошо подготовишься, возможно, в следующем году будешь практиковаться во время съемочного процесса.

В какой-то момент моя слабость и отчаяние уходят. Они превращаются в пыль. В ничто. Боль прошлого отступает по-

сле новости профессора. Моя обида на него, чувство несправедливости уходят на второй план. Я словно смотрю на него другими глазами, замечаю другой отблеск в золотистых глазах. В них отсутствует чрезмерная строгость, но серьезность никуда не делась.

Профессор отходит от меня на шаг, однако буря эмоций в моей душе не утихает. Не могу отделаться от ощущения, что мне говорят неправду. Практика на съемках. Это может быть павильон или целый объект.

Для девчонки из Колорадо это невероятный шанс. Шанс живую наблюдать за съемочным процессом сразу после первого курса. Обычно на съемки пускали только после второго курса и то после подписания договора с кинокомпаниями, а тут...

– Это такой шанс!

– Воспользуйся им. Справочные материалы для доклада я предоставил.

По идее я должна испытывать превосходство и уверенность в собственной правоте. Однако в груди колышется тот же страх, что и у него в машине. Удивление. Я представляла колледж Уилок Браун элитным заведением для избранных или для детей состоятельных родителей. Здесь не преподают профессора-извращенцы, которым необходимо утолить потребность в женском теле прямо на парковке. Здесь все ходят по струнке, интересуются своей будущей профессией, работают, не покладая рук ради своего будущего.

И все зеленые. Во всех смыслах.

Сколько стереотипов сломались на моих глазах за эти пару недель...

– Если у тебя нет вопросов, мисс Райт, можешь идти.

– Есть, – вырывается с губ раньше, чем я успеваю подумывать о вопросе. – Там, в машине, с вами была жена?

– Нет, не жена.

Неужели...

– Вы говорили, что не крутите со студентками.

– Так и есть, не кручу.

– Тогда...

– Мы все не ангелы, Микелла, – перебивает меня профессор Миллер. – Я имею право грешить, как и любой человек.

– Мой грех лишил меня семьи и спокойствия.

– Возможно, другой грех откроет глаза на прекрасную жизнь и освободит тебя.

Он смахивается большим пальцем слезу с моих глаз. Окутывает чуть шершавыми ладонями мое лицо. В этот момент мне становится так тепло. Так спокойно. Никогда не ощущала ничего подобного. Ничего роднее и естественнее этих действий. Правильнее. Будто мне снова подарили родительское тепло, которого лишили год назад.

Если бы я знала, насколько мои чувства обманчивы.

Тут же жалею, что спросила о той девушке из машины. Это личное. *Не мое*. Тем более я давно хотела забыть об этом и, как сказал профессор Миллер, не оглядываться назад.

– Не переживай, – прерывает мои размышления профессор, – я никому не скажу о твоём прошлом.

– И я не скажу о вашем прошлом, профессор. Мне нужна стипендия в Уилок Браун.

Он улыбается, чуть приподняв уголки губ. Не победно, как раньше, не хитро, когда он попросил меня сделать доклад при всех студентах на лекции. Скорее успокаивающе. Его пальцы все еще на моем лице. Они не отпускают меня. Профессор не отпускает.

Он слишком близко.

Я разглядываю его.

Замечаю маленькие, едва видные на темной коже морщинки под глазами. Небольшое углубление в носогубных складках. Маленькие золотистые лучики, выстреливающие из зрачка к окружности радужки. И губы. Полные, налитые. Коричнево-розоватые.

Боже...

– Кстати, – профессор резко отходит к столу и разрывает наваждение, – у тебя «А+». Идеальный тест.

– С-спасибо.

Нас больше ничто не держит рядом. Я забираю рюкзак и выбегаю из аудитории полностью опустошенной. В голове роется так много вопросов. И один из них:

Что это было?

Но найти ответ на него не удастся. Мысли в голове разбросаны по разным отделам, как пазл, который нужно собрать.

Но на это потребуется время, прежде чем картина встанет перед моими глазами.

– Какая хитрая! – летит мне в спину от... черт! Опять она здесь!

– Почему хитрая? – удивленно спрашиваю я у Рамильды, повернувшись к ней. Ее коричнево-рыжие брови сведены на переносице, а полные красные губы сомкнуты. Ощущение, что она сейчас их прокусит от злости на... на меня? Но за что.

– Профессор Миллер ни разу не давал задания индивидуально. Он распределял силы поровну, уделял внимание каждой из нас. Чем ты заслужила его почести?

– Написание доклада разве почеть?

– Ещё какая! Ты отняла время у нас, отняла силы. Знаешь, сколько я готовлюсь к семинарам, чтобы он обратил на меня внимания! Вон, в порядок себя привожу, доказываю, что мозги в голове есть, а ты...

– Просто зажми его в машине и дело с концом, – парирую я и покидаю коридор. На улице ужасно жарко, особенно в кардигане, а я не могу его снять. Непозволительно. Рукав три четверти, он в любой момент может задраться.

Но лучше купаться в жаре, нежели слышать презрение одной наглой полячки.

Я тоже стараюсь, но не ради профессора, а ради себя. Я люблю искусство, люблю кино. Люблю историю.

Когда отхожу подальше от кабинета, останавливаюсь в по-

пытке отдышаться и глотнуть немного воздуха. Разворачиваюсь. Цепкий взгляд преследует меня, цепляется за форму. Он стоит возле дверей своей аудитории, скрестив руки на груди. Рукава рубашки закатаны, обнажая крепкие предплечья, взгляд такой же строгий, внимательный. Он будто говорит: «Это ничего не значит», а я отвечаю: «О'кей».

Интересно, он слышал мой разговор с Рамильдой Псаровски?

Однако этот вопрос меркнет, когда я касаюсь пальцами своих губ и прикрываю глаза, представляя... его. В голове остается только один вопрос.

Почему я хотела, чтобы он поцеловал меня?

Глава 10

Почему я захотел поцеловать ее?

Этот вопрос не оставляет меня в покое всю неделю. Даже сейчас, сидя в гостиной с ноутбуком, не могу отделаться от посторонних мыслей. С утра, до того как Карла уехала за продуктами с Ханной, мне удалось немного отвлечься на девочек, затем на работу. Но не сейчас, не в абсолютной тишине нашего дома.

Трудно отрицать схожесть. Трудно не представлять ее на месте одной из моих бывших студенток. Я не идеален. Я грешен. Но у всякого греха есть свой предел. Однажды я перешел границу, больше этого не повторится. Я обещал себе, обещал Карле.

Но, видимо, эти слова так и останутся словами...

Жалею, что дал свой телефон девчонке. Но мне все равно нужно было бы поделиться контактом. Работу над докладом никто не отменял. Она умная девочка, но еще совсем юна. Первый курс, как никак.

На экране ноутбука текст для утверждения, а перед глазами ее взгляд. Зеленый, магнетический. Я должен поработать, но вместо этого вспоминаю полные девичьи губы. Розоватые, слегка покусанные. Из-за нервов, наверное. Интересно, сколько она проревела тогда, после студенческой вечеринки? Надеюсь, не все дни, которые пропускала мои пары.

Помню, как нашел ее совсем невменяемую, пьяную. Она улыбалась, не понимала, что происходит. А я не сразу понял, чем ее накачали. Явно не одними коктейлями. На одной руке висел наручник, но она не была ни к чему привязана и не выглядела отчаянной и морально убитой. Помню, как отвез ее в больницу и позвонил родителям, записанным в ее телефоне за случай экстренного случая. Больше я ничего не слышал об этой девчонке, даже забыл о ней.

Когда Кеннет мне скинул полную информацию, осознал, как ошибся. Предложение помощи с моей стороны было лишним, я понимал, что наступлю на те же грабли, что и десять лет назад. Но иначе я бы не смог. Однако она не воспользовалась моей «услугой». Ни разу. Ни звонков, ни сообщений. Справилась сама? Молодец. Я рад за нее. Микелла сильная девочка, справится.

– Папочка! Мы пришли! – в голову внедряется звонкий голос Ханны. Она бежит ко мне на диван и садится рядом. – А что ты читаешь?

– Это сценарий будущего фильма, милая.

– Ты взялся за съемки? – спрашивает Карла и заглядывает в экран.

– Нет. Попросили дать оценку, – объясняю, закрыв ноутбук. Я отвык от упоминаний о съемках. Сначала было больно бросать любимое дело, но рождение Ханны расставило все по своим местам. – Как съездили?

– Как мы можем съездить за продуктами? – Карла скре-

щивает руки на груди. – Нормально, нормально.

– Пап, а давай мультики посмотрим!

– Чуть позже, хорошо?

– Позже я поедут мамой на рисование, – надув губки, говорит Ханна.

Карла записала ее на рисование? Почему я узнаю об этом последним? Гляжу на жену, которая смотрит что-то в телефоне и улыбается. Мы поговорим позже насчёт дополнительных занятий Ханны. Черт возьми, почему она ничего не сказала мне?

– Я не сделал даже половину работы. Если хочешь, я встречу тебя после рисования.

– Я хочу сейчас!

– Милая...

– Собери пока рюкзак, – вмешивается Карла. Неужели оторвалась от телефона и слышала наш разговор? – Я подожду тебя в машине.

Малышка слезает с дивана и поднимается в комнату, окинув меня уничтожающим взглядом. Класс. Я поссорился со своей дочерью. Знаю, что Ханна не будет дуться долго, и знаю, чем смогу ее задобрить, но сам факт ощутимо ударяет в грудь. Неприятно.

– Когда ты хотела сказать, что записала Ханну на рисование? – спрашиваю у Карлы, когда хлопает дверь в детскую на втором этаже.

– Она сама попросила.

– Она могла попросить меня.

– Ты вечно работаешь.

Начинается... Этот уничижительный тон, руки в бока, взгляд, готовый прострелить меня насквозь тысячами пуль из огнестрела.

– Мне нужно извиниться за то, что я приношу домой деньги?

– Нет, Доминик! – Карла повышает голос. – Тебе нужно извиниться за отсутствие внимания к своей дочери!

– Я часто с ней общаюсь. Где пропадаешь ты по вечерам – большой вопрос.

– Ты упрекаешь меня? После всего, через что мы прошли с той сумасшедшей девчонкой?

Молча проглатываю ее крик. Надеюсь, Ханна не слышит его, не замечает, как наша семья рушится на глазах. Как мама уходит неизвестно куда, а папа пытается спрятаться за рабочими вопросами, чтобы не думать о своей студентке, похожей на...

Моя принцесса спускается через пару секунд и идёт с мамой к машине. Она ни разу на меня не взглянула. И правильно сделала. Иначе увидела бы своего папочку разъяренного, как быка. Разъяренного и подавленного после разговора с женой.

Когда я в последний раз злился на Карлу? Сложный вопрос. Давно. Год назад, когда уехал в Вегас с Кеннетом и нашей компанией. В тот день она тоже напомнила о прошлом.

Напомнила о моей студентке, которой я преподавал десять лет назад. И о последствиях, гложущих до сих пор.

Вибрация телефона заставляет вернуться на грешную землю и удивиться. Потому что звонит Микелла.

– Профессор, кажется у меня проблемы! – тараторит жалобно моя студентка.

– Что случилось? – подсакиваю с дивана, чувствуя, как сердце учащенно бьется в груди.

– Мне нужна ваша помощь! Срочно!

Глава 11

Как я могла так облажаться?

Зачем позвонила ему перед тем, как проверить информацию еще в одном источнике? Дура! Перспектива выступить перед важными людьми настолько замылила мне глаза, что я стала в последнее время слишком невнимательной, рассеянной, но старалась не показывать окружающим мое состояние.

Или всему виной иная причина со смуглой кожей и бархатым голосом?

Дура!

Хожу из стороны в сторону по коридору, жду профессора возле его кабинета в главном корпусе, как он и просил. Чувствую, как подрагивают коленки, а сердце колотится как бешеное. Он неспроста дал свой номер, и я грела надежду в душе, что обязательно позвоню при необходимости. Без злоупотребления положением. Но сейчас у меня складывается ощущение, что я воспользовалась ситуацией.

Что сделано, то сделано. Я так переживала из-за нестыковки в источниках, что переволновалась, а профессор сам вызвался подъехать к кампусу. Он сказал, что живет недалеко, ехать всего пятнадцать минут. Как я взгляну в его глаза и скажу, что уже решила вопрос? Я пыталась позвонить ему сразу же, как нашла ответ, но он не брал трубку. И сейчас не

берет. Я испортила ему выходной.

Черт, Микелла, почему ты глупишь? Ты же умная девочка. Ага, как же! Если бы у тебя в голове имелись мозги, ты бы не звонила профессору Миллеру раньше времени. Ты же хотела избегать его, не смотреть в глаза, не любоваться его предплечьями, обнаженными рукавами накрахмаленной рубашки.

Черт!

Целую неделю мы вели себя как преподаватель и студентка. Я думала, если наши отношения наладятся, если профессор не будет относиться ко мне предвзято, то все вернется на круги своя. Но это не так.

Я думала о нем слишком много. Слишком часто. Слишком красочно. В голове отложился его светлый взгляд, отличающий чистым золотом. Маленькие лучики, стремящиеся к окружности зрачка. Его полные коричнево-розовые губы. Его улыбку. Стоило мне только закрыть глаза, я представляла его лицо. Смуглое, скульптурное. Представляла его закатанные рукава, обнажающие крепкие предплечья. Он красив. Чертовски красив.

Я снова думаю о нем...

Дурацкие мысли лезут в голову именно в тот момент, когда мы должны встретиться. Когда он идет по длинному коридору. Замечает меня. Сердцебиение ускоряется. Сейчас он не столь официальный. На нем нет костюма, только пуловер синего цвета и синие джинсы, но рукава привычно закатаны

до локтей. И я по привычке смотрю на них. Недолго.

– Привет. Показывай, – сходу начинает он, отвлекая меня от дурных мыслей. – Где не сходится?

Виновато протягиваю ему планшет с набросками. На мгновение наши пальцы соприкасаются. Меня словно бьет током. Снова. Как в тот раз, когда мы остались в кабинете одни и откровенно разговаривали о прошлом. Однако это сладостное мгновение проходит, когда он прочитывает мои наброски.

Его брови сведены, глаза прищурены. Золотые радужки чуть темнеют. Из-за внимательности к моей работе? Или из-за... меня. Мики, когда ты стала такой наивной?

Подумаешь, однажды спас жизнь и предложил свою помощь. Это не значит, что я должна смотреть на него как на героя типичных любовных романов. Мы живем не в сладкой сказке, а он не принц на белом коне.

Он профессор... Женатый профессор...

– Ты уже все нашла, – констатирует он строго.

– Да, профессор...

Черт! Не думала, что будет так сложно признаться в своей оплошности. Даже взглянуть на него боюсь. Гляжу на свои конверсы, на джинсы. Сегодня я пренебрегла формой.

– Простите, что потревожила. Вы... вы не отвечали на мои звонки...

– Ничего страшного, я как раз собирался приехать и кое-что тебе дать.

Мы заходим в кабинет, профессор без лишних слов протягивает толстый том книги. «Как снять идеальный фильм. Подготовка от А до Я» Кемер Джексон. Теряю дар речи. Не потому что эту книгу написал великий режиссер нашего времени, не потому что я пыталась найти всю неделю, и нашла в комиссионном магазине за бешенные двести долларов, а потому что...

— Это же редкий экземпляр! Я искала его во всех магазинах штата, даже у соседки спрашивала!

— Книгу сняли с продажи десять лет назад, но я успел приобрести оригинал. Она пригодится при подготовке. Я отметил некоторые детали. Если правильно построишь картину, практика у тебя в кармане.

Боже мой! Чем я заслужила это счастье? Обнимаю экземпляр книги как нечто драгоценное, родное. Черт возьми, эта книга и есть самое дорогое на свете! Ее нет ни в одном формате, только бумажная книга с важными иллюстрациями и отсылками. Даже комментарии по написанию сценария есть! Божечки!

— У тебя все в порядке? Всю неделю ты не звонила.

Он волнуется, что я не звонила и не попросила помощь? При этом его лицо такое же непроницаемое и серьезное. Ни толики тепла, ни намек на предвзятость и личные отношения.

— Все хорошо, я справляюсь.

Не говорить же ему, что я позвонила маме, чтобы забрать

свою футболку. Она сказала, что отправит по почте и заблокировала мой номер. Это было больно и неприятно. А до отца я не могу дозвониться который день. Наверное, тоже заблокировал меня. Влияние мамы на лицо.

— Помни, что можешь обратиться ко мне в любой момент.

Помню, профессор. Помню, как тянулась за телефоном, чтобы набрать банальное сообщение, помню, как одергивала себя и мысленно причитала саму себя. Мне не стоит творить глупости, а мое восхищение пройдет. Со временем.

Мы слишком долго молчим. Слишком долго смотрим друг на друга. Слишком сильно манят его губы. Они снились мне. А сейчас они непростительно близко. Черт! Я снова думаю о том, какие они на вкус. На запах. Насколько они мягкие. И как опытно они целуются. Той брюнетке в машине он понравился.

Черт!

Он мой профессор.

Он женат.

У него есть семья.

Микелла, пожалуйста, останови поток мыслей.

Но меня ничто не останавливает, когда я тянусь к нему на носочках и касаюсь его губ. Даже книгу роняю. Она падает между нами, едва не отдавив ноги. Но я бы не обратила на это внимания, когда его сочные, полные губы касаются моих. Мы не двигаемся, прямо как в японских дорамах. Просто касаемся. Просто стоим. Просто дышим одним воздухом. В

моей голове проносится тысяча картиной, душа трепещет, пропускает через себя множество радостных эмоций, не подпуская к себе негатив.

Они мягкие, хоть и чуть потрескавшиеся. Теплые. Они идеальны. Интересно, Рамильда также представляла себе поцелуй с профессором Миллером?

Но моя мысль теряется – профессор отталкивает меня и отходит сам на шаг. Золото в его глазах превращается в черную воронку, готовую поглотить меня яростной аурой. Радость и трепет в груди сменяется на досаду и... стыд.

Что я только что натворила?

– Больше никогда так не делай!

– П-простите...

Выбегаю из его кабинета, как ошпаренная. Даже забываю книгу, которую он дал специально для моего доклада.

Черт возьми, что я натворила?

Глава 12

– Эй, что с тобой? – спрашивает Моника. – Опять спишь? Соня, просыпайся!

– Все отлично, не переживай. И я не соня.

– Но ты даже не слушаешь меня! Я тебе такую новость рассказываю, а ты...

– Прости, я просто...

Просто стараюсь не думать и притвориться глупой куклой, как богачки из Уилок Браун. Просто стараюсь не привлекать внимания и жить как раньше. Просто стараюсь забыть преподавателя, с которым поцеловалась на выходных. Что из этого рассказать соседке? Что она поймёт и не разболтает всем подряд? Ее жизнь слишком легкая, ветреная. Она не знает забот, финансовых сложностей, эмоций, которые убивают тебя изнутри.

Она не поймёт, каково это сидеть несколько дней на грани падения и не знать, что с тобой случится в следующую минуту.

Это реальная жизнь, с которой не все столкнулись. Мне не повезло, она все время стояла на пороге моего дома и преследовала по пятам. Наверное, у меня на лбу написано «невезучая». Не удивительно.

– Ты просто весь день сидишь со своими конспектами, — отвечает вместо меня Моника. Облегченно выдыхаю, наде-

ясь в глубине души, что она не заметила этот конфуз.

– Профессор попросил подготовить доклад как можно скорее.

– Но это не значит, что ты должна безвылазно торчать в комнате. Когда ты в последний раз была на улице? – Моника уставляет на меня во все глаза.

– Мы сейчас на улице, – я гляжу на яркое калифорнийское солнце. Ослепляет и греет с утра. Зелёные гольфы чуть сползают, но главное, что рукав не задрался, как обычно.

– Это не считается! Ты такими темпами пропустишь самое лучшее время в нашей жизни! – восклицает подруга. – Вон, Рамильда Псаровски хвасталась недавно новым Феррари. Видела? Давай покажу...

– О, нет, не надо!

Не хватало еще любоваться на прихоти богатеньких детишек. Мне и без того хватает того, что я ежедневно вижу прямое подтверждение моего статуса. Со следующей недели я выхожу на работу, готовлюсь к тому, что надо мной все будут смеяться. Но мне плевать, мне нужны деньги на жизнь.

– В следующий раз мы проведём вечеринку у нас! Тогда точно никуда не денешься! Хэй, Томми!

Она машет парню, который стоит у стойки своего братства. Он дружелюбно подмигивает ей, переводит на меня взгляд и машет рукой.

– Кстати, парни обсуждались кто первый пригласит тебя на свидание.

– Правда? – удивленно смотрю на соседку.

– А то. Первый начнёт Томми, так что готовься.

Любая девушка сейчас обрадовалась бы. Симпатичный парень, глава братства и просто весельчак приглашает на свидание и проявляет симпатию а я...

Я кажется, меня сейчас стошнит.

Только этого мне не хватало. Он извинился за свое поведение на вечеринке, сказал, что заслужит мое прощение. Но я не знала, что все дойдёт до свидания. Я не хочу никаких встреч, никаких отношений! Меня не привлекает Том. Он не сидит в мое голове, а я не мечтаю о его внимании, потому что...

Снова одергиваю рукав кардигана. Сегодня с утра прохладно, поэтому Моника не пристаёт ко мне с пристрастиями. Хотя что-то радует в этой никчемной жизни, а я забываю о чувстве вине на пару минут. Это мгновение заканчивается раньше, чем я предполагала, а перед глазами встаёт картина прошлых выходных. Его губы рядом с моими. Их мягкость, гладкость. Его дыхание на моих губах. Чуть прерывистое. Он старался дышать ровно, но я заметила его волнение.

Надо забыть, Мики, надо забыть...

– Интересно, когда он подойдёт? – прерывает мои мысли соседка. – Только не сдавайся этому наглецу!

– Постараюсь.

– Я буду благодарна, если ты вообще ему откажешь.

– Мне не сложно, – ухмыляюсь я.

Только сейчас замечаю на загорелом лице Моники толику облегчения, словно я спасла ее жизнь. Они точно ненавидят друг друга?

Чувство вины не отпускает меня до самого полудня. Занятия подходят к концу, а я никак не могу выкинуть тот поцелуй из головы. Я ждала занятие с ним, но в то же время боялась его. Знаю, что наше общение неизбежно. Я пишу доклад по его предмету, а он отдал мне важную книгу с материалами, которую я уронила в его кабинете. Ее нужно забрать, но я ужасно боюсь к нему подходить.

Его лекция сегодня последняя. Меня это пугает. Боюсь встретиться с ним взглядом и не сдержаться. Боюсь его энергетики, боюсь его влияния на меня.

Я. Боюсь. Своих. Чувств.

Готова поклясться, что у меня остановилось сердце в тот момент, когда мы пересеклись взглядами. Возможно, мне показалось, или я думаю как самый настоящий романтик из любовных романов современности. Но это так. Я замерла. Дыхание перехватило от его присутствия.

Но мои чувства безответны, и я должна смириться с этим.

Профессор отлично играет равнодушие, делает вид, что не знает меня, не замечает. Но у меня не выходит, но достаточного опыта. Он не просит остаться после занятий, полтора часа проходят как в тумане. Я стараюсь не смотреть на него, но у меня не получается, особенно на лекциях. Я чаще отвлекаюсь на него, нежели на материал. Моника пару раз

тыкала меня, чтобы я записывала, спрашивала, о чем я думала.

Лучше бы ей не знать.

Звонок с занятия пролетает сквозь меня. Если бы я не слышала общий шум, то вряд ли отвлеклась бы. Никогда меня не заносило так глубоко в свои мысли. И не выносило оттуда так резко, словно я выплыла из толщи воды.

Профессор Миллер задерживает на мне взгляд чуть дольше обычного. Они не кажутся золотистыми и яркими. Скорее наоборот – темными и озлобленными. Зрительный контакт между нами быстро прерывается, а на место опустошения приходит...

– Микки, ты меня слышишь? – отвлекает Моника.

– Да, конечно.

– Ребята зовут сегодня в бар. Пойдешь?

– Но я не пью.

– С твоей миной нужно немедленно выпить.

– Но...

– Никаких «но»! Я видела, как ты смотрела на профессора.

Что? Как она...

– И не спрашивай, как я узнала. Тебе нужно расслабиться. Пойдем.

И впервые я не спорю с соседкой и позволяю ей вести меня куда угодно, лишь бы забыть о чувстве вины.

Глава 13

– Добро пожаловать в мир пороков! – восклицает Моника, обнимая меня за плечи.

Она уверенно стоит на каблуках в пять дюймов. Я от них отказалась и надела привычные кеды. Красные. Мои любимые. Если захочу сбежать, мне будет проще, а не как в прошлый раз. Однако соседка заставила меня надеть одно из своих платьев. Оно голубое нежное, с длинными рукавами, что для меня было важно. Пока соседка отворачивалась, я переодевалась. Мой секрет под рукой надежд спрятан.

В баре шумно, но не из-за музыки, а из-за угла в ушах. Все шумят, кричат, звон бокалов раздается в ушах. За ними я едва слышу Монику, которая молча ведёт меня к барной стойке.

– Это лучший бар рядом с кампусом! – выкрикивает Моника. – Ты оценишь! Эй, Эрик! Два шота для нас с Мики!

К нам поворачивается темноволосый парень Латинской внешности.

– Амигос! – он поднимает шейкер и улыбается соседке. – Все для нашей звезды.

– Звезды? – спрашиваю у Моника, пока парень готовит заказ.

– Это давняя история, не бери в голову.

Взгляд Моника моментально темнеет, грустнеет, но за

улыбкой грусть теряется. Даже когда нам ставят заказ, печаль соседки не покидает ее.

– За твое хорошее настроение! – она радостно поднимает маленький шот кверху.

И я поднимаю, затем опускаю шот рядом с соседкой. Не пью. Знаю, чем чревато. Одного раза мне хватило, повторения не хочу. Тогда зачем я пришла в место, где можно лишь пить? Ответ просто, но в то же время сложен даже для меня.

С одной стороны, я не хочу вспоминать о поцелуе с профессором и забыть о чувственных мужских губах в компании соседки. А с другой, я бы заперлась в комнате и представила, как мы уединяемся в его кабинете, как он прижимает смуглыми ладонями меня к стене, как говорит, что я особенная.

Но это не так. У него есть жена, которая может быть особенной.

– Ты чего такая хмурая? Расслабься, Райт! – Моника выпивает второй шот вместо меня. И правильно, я все равно не буду. Алкоголем не заглушу чувство вины, борющееся с желанием оказаться в руках единственного понимающего меня человека.

– Я не хмурая, просто тяжелая неделя.

– Еще бы она не была для тебя тяжелой. Все время что-то учишь, ложишься после меня. Ты вообще живая или робот? Может, тебя из «Стэнфорда» послали, чтобы конкуренцию проверить.

– О, нет! – примирительно поднимаю руки. – Это вряд ли.

– Я бы не удивилась. И вообще, не только у тебя тяжелые деньки.

– Правда? – цепляюсь за слова соседки. Может, поговорив с ней по душам, я смогу отвлечься от мыслей о профессоре. – Что у тебя случилось?

– Не что, а кто, – ухмыляется она и щелчком подзывает бармена. – Мама выходит замуж.

– Да? Разве она не с твоим отцом.

– Ты совсем меня не слушала, да? – она округляет свои большие глаза. Маленькие блесточки на веках чуть осыпаются под глаза, создавая маленькие слезки под ними. – Я же говорила, что они развелись год назад! Теперь мама нашла нового богатенького хахала и хочет меня познакомить.

Кажется, не у меня одной проблема с домашними. Лишь бы она не спрашивала о моей семье. Они последние, о ком хочется говорить. Оставшись наедине, я стараюсь не вспоминать добрые мамины глаза, подбадривающую улыбку папы, кривляния сестры. Я больше никогда их не увижу. Я изгнана.

– Эй! Мики!

Оглядываюсь на Монику. Она уже пьет третий шот под подмигивание бармена-латиноса. Кажется, я снова застряла в мыслях.

– Прости, но я не понимаю, что именно тебе не нравится?

– Как это что? Какой-то чужой мужик приглашает нас

с мамой в ресторан в Нью-Йорке. Говорит, полетим на его частном самолете. Кретин! – она залпом выпивает четвертый шот, Монику немного пошатывает.

– Осторожнее, – помогаю соседке усесться на высоком стуле. – Посмотри на это с другой стороны. Твоя мама счастлива, она не перестает любить тебя сильнее из-за свадьбы.

– Да, не перестает, но я от этого страдаю!

– Как?

– Ты не понимаешь!

Ты права, я искренне не понимаю, но вслух это не произношу.

– Твои родители не разводились и не делили полгода имущество! А твоя мать не заявляла с ходу, что скоро выходит замуж. Вот у тебя как? Живут счастливо и звонят каждые выходные?

Нет, не звонят. Не приезжают. И даже видеть меня не желают. Но я сама подписалась на это, сама виновата в своих ошибках, а не они. Только говорить об этом не хочется. Ни с Моникой, ни с кем-то другим. Однако с профессором Миллером я раскрылась. Может, потому что он знал причину?

Но не знал последствия...

Моника внимательно смотрит на меня. Выжидающе, пронзая глаза мою плоть. Нет, не в буквальном смысле, но ощущения, что мою кожу режут на части, не оставляет меня ни на секунду.

До одного момента.

– О, девочки! И вы здесь? – произносит над нашими головами... Том.

Почему я подумала, что момент спасительный? Я не сразу замечаю за ним еще двух ребят из братства: рыжий кучерявый парень и темнокожий качок с выпирающими ушами. Где-то я их уже видела. Наверное, на той вечеринке, с которой позорно сбежала.

– Как вы вовремя! А мы скучали в одиночестве! – добавляет парень, улыбаясь мне полупьяной улыбкой. Видела ее на вечеринке, помню до сих пор жесткую хватку.

А еще помню итог того дня и неприятные ощущения, которые до сих пор липнут к телу...

– У нас женские посиделки, Джаред, – первая реагирует Моника, позволяя мне облегченно выдохнуть. – Так что бери своих дружков и проваливай.

– Какая ты грубая. Может, я не к тебе пришел.

– А к кому?

Том ничего не отвечает, просто кидает на меня недвусмысленный взгляд. Черт возьми, я попала! Он последний, с кем я хочу разговаривать. После того, что мне сказала Моника и после поцелуя с профессором... черт! Как я это допустила? Может, соседка спасет мою жизнь еще раз?

Однако Моника молча пожимает плечами и заказывает новую порцию напитка. Но куда? Ей и так достаточно, а она...

– Наверное, мы пойдем, – хватаю соседку и пытаюсь спу-

ститъ ее с барной стойки.

– Эй! Я нидуа не пойду! Я еще не отпраздновала мамину помолвку!

– Нам нужно кое-что доделать!

– Ничего не надо доделывать! Я прекрасно...

– Слушай, – ко мне обращается бармен, заставив отвлечься от пронизывающего взгляда Тома и наклониться над стойкой. – Я давно знаю Мони. Я позабочусь о ней.

– Но она вдрызг пьяная!

– Лишнего не налью, не волнуйся.

Приятный парень. Веселый, понимающий и, видимо, каким-то волшебным прочитавший мои мысли и попытку сбежать от Тома как можно дальше.

И еще от собственных воспоминаний о профессоре Миллере.

Когда парень из стойки подходит к Монике, понимаю, что пора валить. Почему? Потому что одна пара глаз все еще наблюдает за мной, пронизывает насквозь и пытается пригвоздить к стулу, чтобы не соскочила. Но со мной это не работает. Не сейчас. Теперь точно пора валить. Как хорошо, что я в кедах.

– Я отойду в туалет.

Или не в туалет, а куда подальше. Но им об этом знать не обязательно. Выхожу через чёрный входная улицу, легкий влажный ветер дует с океана, разбрасывает волосы в разные стороны. Неудобно. Приходится уложить в хвостик.

Почему я воспринимаю Тома как абсолютное зло? Он просто хочет... Плевать, что он хочет, когда стоит передо мной вдрызг пьяный и загораживает путь на волю, прижав меня к кирпичной стене.

– Я хотел с тобой поговорить, – произносит парень на удивление ровным голосом. Почему-то мне показалось, что он пьяный. Или освещение подвело его?

– О чем?

– О нас. Слушай... – Том опускает светлые глаза вниз, которые сейчас, под покровом вечерних огней кажутся темными. – Я хотел извиниться за тот случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.